

Санкт-Петербургская
православная духовная академия
Архив журнала «Христианское чтение»

А.П.Митякин

**Иероним Саванарола.
Характеристика его личности,
учения и деятельности**

*Опубликовано:
Христианское чтение. 1898. № 12. С. 854-893.*

© Сканирование и создание электронного варианта:
Санкт-Петербургская православная духовная академия
(www.spbda.ru), 2009. Материал распространяется на основе
некоммерческой лицензии [Creative Commons 3.0](https://creativecommons.org/licenses/by/3.0/) с указанием
авторства без возможности изменений.

СПбПДА
Санкт-Петербург
2009

Іеронимъ Савонарола.

Характеристика его личности, ученія и дѣятельности.

ВЪ НАСТОЯЩЕМЪ году исполнилась четырехсотлѣтняя годовщина со времени казни Савонаролы, знаменитаго флорентійскаго проповѣдника. Не смотря на то, что прошли уже цѣлыя столѣтія съ этого печальнаго событія, до сихъ поръ едва ли еще найдется въ исторіи столь загадочная личность, о которой были бы столь до противоположности различныя мнѣнія. Не даромъ папа Пій VII сказалъ, что на небѣ «онъ желалъ бы найти разъясненіе трехъ великихъ тайнъ — непорочнаго зачатія, закрытія ордена іезуитовъ и смерти Савонаролы». Борьба мнѣній происходила вокругъ Савонаролы въ теченіе всей его жизни, и она никогда не прекращалась и послѣ его смерти. Его считали святымъ, схизматикомъ, еретикомъ, невѣжественнымъ вандаломъ, христіанскимъ художникомъ, пророкомъ, шарлатаномъ, поборникомъ римской церкви, провозвѣстникомъ освобожденной Италіи, и никто еще не могъ рѣшить, кто же такой въ дѣйствительности былъ Савонарола.

Савонарола былъ сожженъ, говоритъ Петавій ¹⁾, «за упорныя и коварныя рѣчи»; Поджіо ²⁾ написалъ трактатъ противъ «безумцевъ», которые отрицали, что этотъ доминиканецъ осужденъ *ritè et justè*; Полито Катерини утверждаетъ, что онъ заслужилъ смерть; Растрелли ³⁾ нападалъ на него почти съ

¹⁾ *Rationarium Temporis*, I, IX, 497. Paris, 1652;

²⁾ *Contra Delirantes*, 1498. *Refutatorum Errorum* F. H. S. 1498. F. H. S. *Spiritus Sanioris Consilii*, 1498.

³⁾ *Vita del padre Girolamo Savonarola*. Ginevra, 1781. Изданіе анонимное.

фанатическою яростью; Брюше ¹⁾, стараясь обълить личность папы Александра VI, утверждаетъ, что Савонарола былъ наказанъ справедливо. Протестантскіе богословы, отъ Лютера ²⁾ до Рейсса ³⁾, считали его піонеромъ реформаціи, и Германія ⁴⁾ отвела ему мѣсто на статуѣ, воздвигнутой Лютеру въ Вормсѣ. Съ другой стороны, у него много было и сторонниковъ. Доминиканцы, какъ Бенивиени ⁵⁾, Бенедетто ⁶⁾, Бурламакки ⁷⁾, Бартоли ⁸⁾, Кетифъ ⁹⁾, Туронъ ¹⁰⁾, Маркезе ¹¹⁾, Байоннъ ¹²⁾—всѣ доказывали благочестіе и правоту этого «*Domini canis*». Пико делла Мирандоля написалъ его «Жизнь», «Апологію» и «Защиту», которыя всѣ можно найти въ «Собраніяхъ» Кетифа. Св. Филиппъ Нери постоянно молился передъ изображеніемъ этого *Campione ammirabile*, св. Екатерина Риччи ¹³⁾ приписывала ему свое чудесное исцѣленіе, а Папепруккъ ¹⁴⁾ вноситъ его въ число самыхъ знаменитыхъ лицъ, какія только выступаютъ въ *Acta Sanctorum*. Самъ папа Александръ VI ¹⁵⁾ говорилъ, что онъ не поколебался бы занести великаго доминиканца въ число римскихъ святыхъ; Павелъ IV ¹⁶⁾ издалъ въ 1556 г. декретъ, въ которомъ заявлялось, что творенія Савонаролы не содержатъ въ себѣ «ничего ерети-

¹⁾ *Études religieuses*. Paris, 1874.

²⁾ *Meditatio supra Psalmos*. Vitemberga, 1523, 4-to См. предисловіе.

³⁾ *Conférence faite à Strasbourg* (*Revue Chrétienne*, 5 Mars, 1876).

⁴⁾ *Jérôme Savonarole et la Statue de Luther à Worms*, par le R. P. Rouard de Card. Paris 1867.

⁵⁾ *Trattato di Maestro D. Benivieni*, Извлеченіе изъ него дано въ прилѣжаніи, приложенномъ Кетифомъ къ сочиненію Пико делла Мирандоля *Apologia*, vol. II, 46 (1674).

⁶⁾ *Vulnera Diligentis and Cedrus Libani*. Напечатано у Marchese, *Archivio Storico*, app. 23.

⁷⁾ *Vita*. Многочисленныя изданія. Lucca, 1764, a Venice, 1829, самыя лучшія.

⁸⁾ *Istoria dell'arcivescovo S. Antoninocoll'apologia di F. G. S. E. c.* Livorno, 1789.

⁹⁾ *Collections*. Paris, 1674.

¹⁰⁾ *L'Histoire des Hommes Illustres de l'Ordre de Saint Dominique*. Paris, 1746.

¹¹⁾ *Scrittivarii* (Firenze, 1860) и другія произведенія.

¹²⁾ *Etude sur J. Savonarole* Paris, 1879.

¹³⁾ *Vie de Sainte Catharine de Ricci*, par le R. P. Bayonne, l. CVI.

¹⁴⁾ *Acta Sanctorum*, May 23.

¹⁵⁾ *Burlamacchi*.

¹⁶⁾ *Quétif*, *Collections*, II, 48.

ческаго, схизматическаго или ошибочнаго»; Бенедиктъ XIV, въ 1751 году, въ своемъ разсужденіи «Объ ублаженіи рабовъ Божіихъ» включаетъ его въ число служителей Божіихъ.

Около имени Савонаролы происходилъ и другой споръ, именно о томъ, былъ ли онъ, какъ утверждали Франкъ ¹⁾, Роско ²⁾ и до нѣкоторой степени Мунтцъ ³⁾, средневѣковый обскурантистъ, или же наоборотъ, какъ думали Ріо ⁴⁾, Картьеръ ⁵⁾, Монталамберъ ⁶⁾ и Гарфордъ ⁷⁾, его можно считать возстановителемъ христіанскаго искусства, подъ благотворнымъ вліяніемъ котораго живопись получила новое значеніе, и въ рукахъ Франція, Перуджино и Рафаэля вступила на новое и славное поприще. Затѣмъ писатели, какъ Годвинъ ⁸⁾, Ноде ⁹⁾ и Бейль ¹⁰⁾, смотрятъ на Савонаролу, какъ на шарлатана, который, ради собственныхъ цѣлей, обманывалъ народъ, провозглашая себя свыше вдохновеннымъ пророкомъ, между тѣмъ какъ другіе смотрятъ на него, какъ дѣйствительно на «посланнаго отъ Бога пророка». Наконецъ профессоръ Виллари, изображаетъ его, какъ провозвѣстника новѣйшаго либерализма; итальянскіе изгнанники считали его предтечей освобожденія и объединенія Италіи (въ каковомъ смыслѣ они издавали въ Лондонѣ даже особую газету подъ названіемъ «Эхо Савонаролы»), и Гарибальди рекомендовалъ его жизнь перу своего друга Виктора Гюго. Въ томъ же духѣ затѣмъ народъ римскій, воздвигая въ 1882 году памятникъ Маззини, поставилъ на немъ, рядомъ съ Джіордано Бруно, Компанелла и Кузано, и имя Савонаролы; въ томъ же духѣ, въ честь его, въ его родномъ городѣ Феррарѣ воздвигнуть ему памятникъ, какъ просвѣщенному поборнику итальян-

¹⁾ Réformateurs et Publicistes de l'Europe. Paris, 1864.

²⁾ Life of Lorenzo de' Medici.

³⁾ Les Précurseurs de la Renaissance. Paris, 1882. La Renaissance en Italie. Paris, 1885.

⁴⁾ L'Art Chrétien, II, ch. XII, XIII.

⁵⁾ Esthétique de Savonarole (Annales Archéologiques, Nov. 1847).

⁶⁾ Du Vandalisme et Catholicisme dans l'Art (p. 114). Fragmens, Paris, 1839. (См. также Université Catholique. Août, 1837.

⁷⁾ The Life of Michael Angelo Buonarrotti, I, CVIII, London, 1857.

⁸⁾ Lives of the Necromancers. London, (?) 1834.

⁹⁾ Apologie pour tous etc., qui ont esté faussement soupçonnez de Magie. Paris, 1625.

¹⁰⁾ Dictionnaire historique et critique, s. v. „Savonarole“.

ской свободы и единства. Это разнообразіе мнѣній и побудило одного изъ лучшихъ жизнеописателей Савонаролы, Перрена ¹⁾, изобразить его почти нравственнымъ чудовищемъ, живымъ противорѣчіемъ непримиримыхъ чертъ, изъ которыхъ невозможно составить себѣ болѣе или менѣе цѣльнаго взгляда. И однако, въ концѣ концовъ, Лакордеръ ²⁾, быть можетъ, правъ въ своемъ мнѣніи, что хотя жизнь Савонаролы и написана со многихъ точекъ зрѣнія, дѣйствительнаго жизнеописанія его еще нужно ожидать.

Когда ученые такъ сильно расходятся между собою, то было бы нелѣпо догматически останавливаться на какомъ-нибудь опредѣленномъ мнѣніи. Въ предлагаемой статьѣ излагается взглядъ, который, главнымъ образомъ, основывается на сочиненіяхъ самого Савонаролы. Многія интересныя черты изъ его жизни, по необходимости, приходится опустить, такъ какъ эта статья имѣетъ своею цѣлью скорѣе характеристику личности, чѣмъ изложеніе жизни. За подробностями читатель можетъ обратиться къ великолѣпно изложенному и обработанному сочиненію профессора Виллари, считающагося однимъ изъ лучшихъ біографовъ Савонаролы ³⁾. Хотя мы излагаемъ взглядъ, противоположный принятому профессоромъ Виллари, однако нельзя не отдать полной чести той тщательности, которая обнаружена въ этомъ большомъ двухтомномъ сочиненіи. О фактической сторонѣ жизни Савонаролы Виллари, вѣроятно, сказалъ послѣднее слово ⁴⁾.

Савонарола родился въ Феррарѣ въ 1452 году. Его положеніе въ качествѣ нравственно-религіознаго преобразователя находилось настолько въ зависимости отъ внѣшнихъ причинъ, что необходимо обратить вниманіе на нѣкоторыя выдающіяся черты въ состояніи церкви и общества въ современный ему критическій моментъ итальянской эпохи Возрожденія.

¹⁾ Jérôme Savonarole. Paris, 1856, 2-me édit.

²⁾ См. письмо къ аббату Аликсу, приложенное къ переводу послѣдняго *Triumphus Crucis* (*Triomphe de la Croix*). Paris, 1859.

³⁾ Это сочиненіе вышло на англійскомъ языкѣ подъ заглавіемъ *Life and Times of Girolamo Savonarola*. By Prof. Pasquale Villari. Translated by Linda Villari. 2 vols (London, 1889).

⁴⁾ См. эту превосходную характеристику въ *The Church Quart. Review*, July.

Трудно указать еще въ исторіи церкви періодъ, который былъ бы болѣе исполненъ глубочайшаго интереса, чѣмъ эпоха, въ которой зародился новый міръ. Нигдѣ еще эпоха Возрожденія не отражалась такъ богато съ своихъ политическихъ, соціальныхъ, художественныхъ и нравственныхъ сторонъ, какъ въ Италіи, и главнѣе всего во Флоренціи. Повсюду мы видимъ, какъ феодальныя и церковныя вліянія, затруднявшія свободное теченіе жизни въ средніе вѣка, были ниспровергаемы болѣе могучей силой, возрастающей энергіей, которая въ свободной политической и торговой жизни Италіи скоро достигла своего свободного проявленія, — той умственной свободой, которая находила себѣ выраженіе въ искусствѣ, литературѣ, наукѣ, политикѣ и во всѣхъ областяхъ человѣческой дѣятельности. Это первый періодъ, о внутреннемъ характерѣ или особенностяхъ дѣятелей котораго мы знаемъ; первый, въ которомъ мы движемся увѣренно, потому что въ настроеніи мысли, въ образѣ жизни и въ общихъ воззрѣніяхъ это былъ первый періодъ, который хотя еще въ неясныхъ очертаніяхъ, но по своей сущности былъ уже періодомъ новаго міра. Разсматривая это движеніе, какъ цѣлое, мы можемъ прослѣдить, какъ постепенно подготавливались необходимыя для него условія и внѣшнія обстоятельства, прослѣдить тѣ различныя вліянія, при которыхъ совершалось его рожденіе, которыя вліяли на образованіе его духа, давали направленіе его ходу, задерживали или усиливали его развитіе. По своимъ безграничнымъ надеждамъ, по своей неистощимой энергіи, по своимъ высокимъ дарованіямъ, по своему свѣжему наслажденію красотами природы, по своему безграничному увлеченію умственной свободой, онъ вполне можетъ быть названъ весной національной жизни. Передъ нами онъ возстаетъ во всей ненасытности порывовъ и бурнаго любопытства юности, пышно достигаетъ блистательной возмужалости и, среди странныхъ аномалій добра и зла, преуспѣянія и упадка, цивилизаціи и хаоса, переходитъ въ видимую, порочную дряхлость старости. Всѣ люди, принадлежащіе къ этому періоду, составляютъ въ нѣкоторомъ отношеніи загадку для біографовъ. Савонарола не составляетъ исключенія. Въ одно и то же время дитя многосторонняго періода Возрожденія и истинный сынъ узкаго средневѣковья, онъ своимъ характеромъ представляетъ проблему, которая для девятнадцатаго вѣка можетъ казаться неразрѣшимой.

Церковь находилась въ крайнемъ упадкѣ. Соль земли потеряла свой вкусъ; отъ головы до ногъ іерархія была испорчена. Папа Сикстъ IV торговалъ святынями церкви, тратилъ добываемыя такимъ путемъ суммы на распущенныхъ фаворитовъ и не обращалъ вниманія на всеобщія требованія вселенскаго собора. «Продажны у насъ, писалъ современный авторъ-стихотворецъ, храмы, священники, алтари, святыни, короны, огни, ладонъ, молитвы, продаются самое небо и самый Богъ» ¹⁾. Непотизмъ истощалъ казну Ватикана, и весь авторитетъ апостольскаго сѣдалища сосредоточивался на стремленія къ основанію княжествъ для такъ называемыхъ папскихъ племянниковъ. Авторитетъ папы палъ, очевидно, уже очень низко, если духовенство Флоренціи, раздраженное интердиктомъ Сикста, распространяло среди народа стихотвореніе, апострофъ котораго гласилъ, что намѣстникъ Христовъ есть «*leno matris suae, adulterorum minister, diaboli vicarius*». Зло еще болѣе усилилось при папѣ Иннокентіѣ VIII. Этотъ папа публично признавалъ своихъ сыновей, и одинъ изъ нихъ — Франческетто Чибо былъ женатъ на дочери Лоренцо де-Медичи. Папа Сикстъ наполнялъ свои сундуки при помощи симоніи; Иннокентій открывалъ аукціоны для продажи прощень за убійство. По случаю его смерти епископъ Конкордіи обратился къ конклаву кардиналовъ съ слѣдующимъ заявленіемъ: «Римская церковь, мать и корень вселенской каеолической церкви, изо дня въ день падаетъ все ниже. Печаль дочери Сіона широка, какъ море. Для исцѣленія этихъ плачевныхъ золъ, мы должны избрать первосвященника, который бы былъ ученый и благочестивый. Глаза всей церкви обращены на насъ. Она ожидаетъ главы, который сладостнымъ и благочестивымъ звукомъ своего имени привлекъ бы всѣхъ людей на путь спасенія. Она ожидаетъ главы, столь же вѣрнаго, какъ св. Іаковъ, столь православнаго, какъ ап. Павелъ, главы, который бы вывелъ церковь изъ Вавилона, реченнаго въ Апокалипсисѣ, въ свѣтлое царство вѣчности». Кардиналы выслушали его и — продали папство нѣкому Родриго Борджіа, который восшелъ на папскій престолъ подъ именемъ Александра VI. Новый папа былъ человѣкъ съ большими дарованіями

¹⁾ „*Venalia nobis templa, sacerdotes, altaria, sacra, coronae, ignes, thura, preces, coelum est venale Deusque*“, Of. *Battista Mantovano, De Calamitatibus Temporum, I. III.*

и дѣловыми способностями. Онъ возстановилъ общественный порядокъ въ папскихъ владѣніяхъ и привелъ финансы въ надлежащій порядокъ. Но его жизнь и жизнь его сына Цезаря Борджіа были опасны для самаго существованія папства. Настойчивый, коварный, беззащѣтный, онъ купилъ тиару и пользовался ею, чтобы накапливать богатства для своихъ личныхъ наслажденій или для своихъ побочныхъ дѣтей. «Продаетъ Александръ, воспѣвалъ тотъ же стихотворецъ, ключи, алтари, Христа. Сначала онъ завладѣваетъ, чтобы потомъ можно было продавать» ¹⁾. Жадность, чувственность, симонія достигли своей высшей степени. Беззащѣтное пользованіе ядомъ, постыдная торговля индульгенціями навлекли на Римъ нравственное негодованіе всего христіанскаго міра. Удаленный своимъ сыномъ Цезаремъ отъ всѣхъ другихъ вліаній, папа сдѣлался орудіемъ въ рукахъ чловѣка, который, вѣроятно, имѣлъ намѣреніе секуляризировать владѣнія церкви и оправдать гордый девизъ своего дома: «Aut Caesar, aut nihil» ²⁾. Ненависть, которую папа и его сынъ возбуждали во всѣхъ, распространилась на весь этотъ родъ и создала народную легенду касательно Лукреціи Борджіа, которая считалась Мессалиной своего вѣка ³⁾. Когда Александръ умеръ отъ яда, который онъ предназначалъ для кардинала Корнето, весь Римъ сбѣжался «излить свою злобу надъ трупомъ этого змѣя, который, своимъ безграничнымъ честолюбіемъ, пагубнымъ вѣроломствомъ, чудовищною похотью, ужасною жестокостью и безпримѣрною алчностью, продавая безъ различія священныя и простыя вещи, погубилъ столь многихъ ядомъ, и самъ теперь сдѣлался его жертвой» ⁴⁾. Никогда и ни въ какое время въ исторіи церкви религія не имѣла такого ужаснаго представителя, какого имѣла въ личности папы, который осудилъ Савонаролу на сожженіе.

¹⁾ „Vendit Alexander claves, altaria, Christum:
Emerat ille prius, vendere jure potest“.

²⁾ Zeller, *Entretiens sur l'Histoire: Italie et Renaissance*. Вѣроятно, эти именно цѣли Цезаря Борджіа доставили ему поддержку Макиавелли. „Онъ одинъ могъ извлечь ножъ изъ раны“ и установить единство Италіи.

³⁾ Ея характеръ принять былъ подъ защиту ученымъ историкомъ средневѣковаго Рима. См. *Lucrezia Borgia, nach Urkunden und Correspondenzen ihrer eigenen Zeit*, von F. Gregorovius (Stuttgart, 1874).

⁴⁾ Guicciardini.

Та же испорченность проникала и во всѣ слои церкви и общества. «Всѣ пути во время этой бури запакощены были» ¹⁾, — такъ прямо заявлялъ Савонарола. Образованные классы относились къ церкви съ такимъ чувствомъ, которое состояло изъ странной смѣси отвращенія, равнодушія и раболѣпства. За исключеніемъ рѣдкихъ случаевъ, ни епископы, ни бенедиктинцы не подвергались нападенію со стороны новеллистовъ и сатириковъ. Ихъ насмѣшки изливались на содержателей бенефицій, на канониковъ и особенно на монаховъ. Они изображаются ведущими самую зазорную жизнь, обманывающими и грабящими народъ посредствомъ мнимыхъ чудесъ. «Никто еще», говоритъ Гиччіардини ²⁾, самъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ состоявшій на службѣ папъ Медичева дома, «не испытываетъ большаго отвращенія, чѣмъ я, къ честолюбію, алчности, распущенности патеровъ, не только потому, что каждый изъ этихъ пороковъ самъ по себѣ отвратителенъ, но и потому, что каждый и всѣ вмѣстѣ особенно зазорны для людей, которые объявляютъ себя посвященными на служеніе Богу». Упадокъ духовенства и монаховъ необходимо подрывалъ самую вѣру въ Италіи. И однако, отъ времени до времени, выступали отдѣльные проповѣдники, которые своею благочестивою жизнью и нравственною ревностью пробуждали совѣсть народа, торжествовали надъ предубѣжденіемъ къ нищенствующимъ фратрамъ, заставляли замолкнуть насмѣшки гуманистовъ и производили чудесное, хотя и временное, впечатлѣніе. Таковы были Бернардино да Сиена, Якопо делла Марко, Джіованни Капистрано, Роберто да Лечче, Винцентъ Ферье—испанскій миссіонеръ и Джироламо Савонарола. Всѣ эти нравственные преобразователи были люди одного и того же типа — возвышенныя и вліятельныя личности, самыя натуры которыхъ, видимо, пылали огнемъ, и которыя возбуждали совѣсть въ своихъ современникахъ нравственнымъ увѣщаніемъ, полнымъ практическаго приложенія, и пробуждали чувство даже въ самыхъ закоснѣлыхъ людяхъ указаніемъ на тѣ земныя бѣдствія, которыя были для cadaго результатомъ нечестивой жизни.

Упадокъ церкви гибельнымъ образомъ отзывался и на нравственности страны. «Мы итальянцы», говорилъ Макіа-

¹⁾ Бесѣды на Быт. VI, на текстъ: „развратилась земля предъ Господомъ“.

²⁾ „Ricordi“, n. 28, in the Opere inedite, I.

вели 1), «безрелигіозны и испорчены болѣе всѣхъ другихъ». Въ народѣ было мало вѣры въ Божественное управленіе міромъ и всѣ предавались всевозможнымъ видамъ безнравственности; ересь и безбожіе свирѣпствовали повсюду. Никакой обманъ, никакое беззаконіе не считались постыдными, лишь бы служили удобнымъ средствомъ для достиженія цѣли; всевозможнаго вида азартныя игры были господствующей страстью того вѣка; «римскій судъ» былъ лотереей, гдѣ господствовали всевозможныя козни, и все зависѣло отъ счастливой случайности. Бракъ и всѣ его права намѣренно попирались ногами. Наемные убійцы состояли на жалованьи у агентовъ при всякомъ дворцѣ или знатномъ домѣ. Роскошь и излишества всякаго рода достигли невѣроятной степени. Савонарола былъ не единственнымъ человѣкомъ, который приписывалъ всѣ эти пороки своего времени преобладанію язычества. Особенной заслугой эпохи Возрожденія считалось возвышеніе значенія личности. Индивидуализмъ въ противоположность дисциплинѣ, общности усилій, національному или религіозному союзу, былъ выдающеюся особенностью того движенія. Образование давалось не въ одной какой-либо односторонней спеціальности; быть «uomo universale» (универсальнымъ человѣкомъ), достигнуть энциклопедическаго знанія, выработать универсальный художественный геній, — вотъ что было честолюбіемъ такихъ людей, какъ Алберти, Леонардо да Винчи, Пико делла Мирандоля или Андреа Вероккіо. Но въ нравственномъ мірѣ торжествующій эгоизмъ выдающихся людей производилъ чудовища нечестія, въ родѣ Браччіо ди Монтони или Сигизмунда Малатеста, — людей, которые услаждались безграничнымъ нечестіемъ, презирали всѣ требованія религіи, нарушали всѣ законы человѣческіе. И если обыкновенные смертные не достигали того же самаго верха безшабашнаго зла, то они считали себя все-таки независимыми отъ всѣхъ законовъ и ограниченій, и при столкновеніи побужденій они опредѣляли свой образъ дѣйствія согласно лишь съ требованіями страсти, ненависти, личнаго интереса или разсчета.

Никогда еще Италія не нуждалась такъ сильно въ пришествіи какого-нибудь грознаго Іліи. И когда насталъ часъ нужды, явился и необходимый человѣкъ. Савонарола родился въ 1452 году. Въ 1475 году онъ вступилъ въ доминиканскій

1) Discorsi, I, I, 2.

монастырь Болоньи и оставался тамъ до 1483 года. Въ этомъ послѣднемъ году, — въ самый годъ рожденія Лютера, онъ отправился въ качествѣ проповѣдника въ Феррару, Флоренцію, Бресцію и другіе итальянскіе города. Въ 1489 году онъ остался на постоянное жительство во Флоренціи въ монастырь св. Марка, настоятелемъ котораго сдѣлался въ 1491 году. Онъ произвелъ глубокое впечатлѣніе на Флоренцію красно-рѣчіемъ своихъ грозныхъ рѣчей, въ которыхъ обличалъ осквернявшіе этотъ городъ пороки и въ которыхъ онъ предостерегалъ горожанъ отъ угрожающихъ имъ бѣдствій. Въ 1494 году онъ окончательно выступаетъ въ качествѣ пророка, и появляется на сценѣ политической жизни, какъ основатель республики Флоренціи. Съ 1493 по 1498 годъ онъ былъ безусловнымъ правителемъ города, хотя его власть была подрываема недовольствомъ внутри, кознями Медичей и, главнѣе всего, его борьбой съ папой Александромъ VI, который запретилъ ему проповѣдничество, отлучилъ его и угрожалъ Флоренціи интердиктомъ, если онъ не будетъ наказанъ. 23 мая 1498 года онъ сначала былъ повѣшенъ и затѣмъ сожженъ во Флоренціи. Такова въ краткихъ чертахъ жизнь Савонаролы, которая, какъ сразу видно, распадается на два большихъ періода: первый включаетъ его жизнь до 1494 года, и второй обнимаетъ время его правленія во Флоренціи и его кончину. Ко второму именно періоду относятся всѣ главнѣйшіе и труднѣйшіе вопросы его загадочной жизни.

Первая половина жизни Савонаролы (1452—1494) не представляетъ почти никакихъ затрудненій для жизнеописателя. Феррара во время его рожденія находилась подъ управленіемъ дома Эсте. Нигдѣ еще во всей Италіи аномаліи, которыми отличался этотъ періодъ, не обнаруживались съ большею поразительностью. Нигдѣ еще не выступали въ болѣе яркомъ свѣтѣ блескъ и распущенность, жестокость и культура, насилие и вѣроломство, которыми отличалось тогдашнее итальянское общество. Отецъ Савонаролы былъ однимъ изъ приживаловъ дворца, и сынъ, конечно, былъ знакомъ со многими такими дѣлами, которыя постоянно совершались внутри этого мрачнаго дворца, еще и теперь занимающаго выдающееся положеніе на поросшихъ травой улицахъ этого города. Тамъ принцесса была обезглавлена за прелюбодѣяніе съ своимъ пасынкомъ; тамъ дѣти, законныя и незаконныя, убивались или заключались въ тюрьму на всю жизнь; тамъ незаконный сынъ

незаконнаго отца старался отнять престолъ у законнаго наследника; тамъ мужъ отравлялъ свою жену, потому что прозналъ, что она готова была отравить его по наущенію своего брата. А внѣ стѣнъ этого замка зрѣлища, выставки, процессіи, игры слѣдовали одни за другими въ непрерывной послѣдовательности. Народъ былъ обуянъ неумѣренной жаждой къ умственному и чувственному наслажденію и, надорванный отъ чрезмѣрной страсти къ удовольствіямъ, впалъ въ то изможденное состояніе, которое дѣлаетъ выродившееся поколѣніе пригоднымъ лишь для рабства. Огромные налоги изсушали жизненные соки государства; всѣ жизненные припасы составляли предметъ монополіи; всѣ общественныя должности продавались тѣмъ, кто больше давалъ. Въ то же самое время герцогъ феррарскій гордился, что его городъ былъ неприступенъ, что дома въ немъ были построены хорошо, что военное насиліе было неизвѣстно, и что жалованье профессорамъ университета выплачивалось аккуратно. Феррара была истиннымъ раемъ для музъ, ибо, какъ говорилъ современный поэтъ, «столько же ораторовъ въ Феррарѣ, сколько лягушекъ на феррарской землѣ» ¹⁾. Трагическая исторія Тассо не омрачаетъ блеска патронатства, которымъ пользовались Аріосто, Бойярдо и Гуарини; университетъ пользовался большою славой и феррарскіе живописцы стояли во главѣ многихъ другихъ меньшихъ школъ.

Въ этомъ то странномъ очагѣ порока и умственного просвѣщенія достигъ возмужалости Савонарола. Окружавшія его мерзости въ жизни внушали ему такое отвращеніе ко всему житейскому, что онъ порѣшилъ найти себѣ убѣжище отъ пораженнаго грѣхомъ міра въ монастырѣ. Борьба была жестокая. «Прежде чѣмъ сдѣлаться монахомъ», говоритъ онъ, «я тысячи разъ утверждалъ, что никогда не вступлю въ монастырь. Но съ того момента, какъ Богу угодно было сдѣлать меня такимъ, я непреодолимо стремился вступить въ какой-нибудь религіозный орденъ» ²⁾. Въ одномъ трогательномъ письмѣ, адресованномъ изъ доминиканскаго монастыря въ Болоньѣ «благородному и превосходному мужу Николаю и добрѣйшему отцу Ферраріи», онъ объясняетъ своему отцу, почему онъ скрылъ свое намѣреніе отъ своихъ родителей. «Не удив-

¹⁾ „Nam tot Ferraria vates.

Quot ranas tellus Ferrariensis habet“.

²⁾ Проповѣдь на пророка Амоса, отъ 13 апрѣля 1496 года.

ляйся же», пишетъ онъ, «что я ничего не сказалъ тебѣ объ этомъ. Я оставилъ за книгами, находящимися на подоконникѣ въ моей комнатѣ, записку, которая объяснить тебѣ мое поведеніе». Записка, которую онъ разумѣетъ, представляла собою небольшое латинское разсужденіе о «Бѣгствѣ отъ міра». Разсужденіе это мало извѣстно. Оно впервые издано было въ 1868 году графомъ Каппони съ рукописи, найденной между бумагами дома Гонди. Разсужденіе это въ высшей степени интересно въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ. Оно знакомить съ тѣми чувствами, которыя внушало Савонаролѣ общественное состояніе Италіи, и содержитъ въ себѣ зародыши того истолкованія библейскихъ пророчествъ, которое достигло высшей степени въ предсказаніяхъ объ угрожающихъ бѣдствіяхъ. Савонарола 1494 года есть Савонарола этого именно разсужденія; по его чувства получили глубину и силу въ протекшемъ за это время двадцатилѣтнемъ промежуткѣ. Вотъ это разсужденіе:

«О чемъ помышляешь ты, душа моя, и почему медлишь, продолжая эту бесполезную борьбу? Смотри, какъ многіе грубые и невѣжественные люди, какъ многія бѣдныя женщины встаютъ и берутъ небо силою. А мы, при всемъ нашемъ знаніи, идемъ во адъ; мы гордимся нашею мудростью и впадаемъ въ глупость. Посмотри же, какъ эти деревенскіе мужи и простыя женщины лучше учатъ насъ примѣромъ, чѣмъ словами, презирать міръ и лънуть ко Христу только. А мы, которые безумно боремся изъ за негодныхъ благъ міра сего, увѣщаваемъ другихъ бѣжать отъ нихъ; мы провозглашаемъ, что добродѣтель вѣчна, и однако ищемъ только преходящихъ вещей. Дѣти, молодые люди и дѣвицы, увѣжденные въ тщетности земныхъ сокровищъ, бѣгутъ отъ міра и его прелестей, а мы добиваемся этихъ самыхъ вещей съ такою ревностью, что если бы кто-нибудь увидѣлъ насъ, то непременно сказалъ бы, что мы сдѣлались свиньями Эпикура. Передъ людьми мы разсуждаемъ о добродѣтеляхъ, а въ глубинѣ нашихъ сердецъ мы думаемъ вмѣстѣ съ циниками, что физическое удовольствіе есть наивысшее благо.

«Ахъ, какая я несчастная тварь! Что я дѣлаю здѣсь? Почему я все еще медлю и откладываю? Не видишь ли ты, что міръ исполненъ нечистоты, нечестія и всякаго рода беззаконія? Не видишь ли ты, что глаза народовъ ослѣплены и сердца народа ожесточены? Не видишь ли ты, что города и

деревни отданы на расхищеніе разбойниковъ и мародеровъ? Почему же ты все медлишь, душа моя? Возстань! Не стыдись поучиться у дѣтей и женщинъ! Не стыдись пойти по ихъ стопамъ! Возстань, говорю я, и бѣги съ ними! Ахъ! бѣги отъ этихъ варварскихъ береговъ, бѣги отъ этого негостепріимнаго берега, бѣги изъ земли Содомъ и Гоморры! Бѣги изъ Египта и отъ фараона! Бѣги изъ этой страны, гдѣ порокъ восхваляется и добродѣтель подвергается осмѣянію, гдѣ человѣкъ, изучающій искусства и философію, называется мечтателемъ, гдѣ скромно и честно живущій называется безумцемъ, гдѣ къ добродѣтельному человѣку и вѣрующему въ величіе Божіе относятся какъ къ глупцу, гдѣ уповающій на Христа становится предметомъ издѣвательства, и надъ тѣмъ, кто человѣколюбивъ, всѣ ругаются, какъ надъ женщиной! Бѣги изъ этой земли, гдѣ тотъ называется благоразумнымъ, кто грабитъ бѣднаго, вдову и сироту; тотъ считается мудрымъ, кто думаетъ только о накопленіи богатствъ; тотъ благочестивымъ, кто грабитъ другого съ наибольшимъ искусствомъ! Нигдѣ ничего не видно, кромѣ нечестія, ростовщичества, грабежа, грубаго богохульства, хищничества, содомства и распутства; зависть и человѣкоубійство, гордость и честолюбіе, лицемеріе и ложь, нечестіе и беззаконіе господствуютъ повсюду. Въ этомъ мірѣ порокъ есть добродѣтель, и добродѣтель есть порокъ.

«Что же сказать мнѣ затѣмъ? Нѣтъ ни единого, кто бы дѣлалъ добро, — нѣтъ ни единого. Ливни, землетрясенія, градъ и бури призываютъ людей міра сего къ покаянію, а они не хотятъ слушать; наводненія, эпидеміи, страшныя язвы, голодъ, — все это по очереди вызываетъ: «покайтесь!» — однако люди міра сего не внимаютъ. Святотатственные нашествія дерзкихъ турокъ громко поднимаютъ свои страшные голоса, и однако люди міра сего все еще остаются нѣмыми. Проповѣдники и служители Божіи кроткими голосами стучатся имъ въ уши, но люди міра сего не открываютъ ихъ. Однимъ словомъ, тщетно голосъ природы говоритъ къ ихъ сердцамъ, тщетно укалываются они жаломъ угрызеній совѣсти.

«О вы, слѣпые сыны міра сего! Произнесите вашъ собственный приговоръ надъ вами самими и посудите, не приближается ли конецъ всего. Почему же, душа моя, ты все еще медлишь? Встань и бѣги. Бѣги изъ Египта и отъ фараона, ибо сердце его ожесточилось противъ Господа! Про-

славъ Бога, воспѣвая съ Израилемъ: «Поемъ Господу: славно бо прославися, коня и всадника ввергнулъ въ море» и проч. (Исх. XV, 1—4).

«Итакъ, — нынѣ отпускаеши раба Твоего, Владыко, по глаголу Твоему, съ миромъ: яко видѣста очи мои спасеніе Твое, еже еси уготовалъ предъ лицемъ всѣхъ людей, Свѣтъ во откровеніе языковъ, и славу людей Твоихъ Израиля. — Слава Отцу, и Сыну, и Святому Духу, отъ Которыхъ истекаетъ всякая благодать. Аминь!»

Это краткое разсужденіе, написанное, когда Савонаролѣ было еще лишь двадцать-два года, наканунѣ его бѣгства въ доминиканскій монастырь, служить выраженіемъ его умственной жизни для слѣдующихъ девятнадцати лѣтъ, есть прокламація принциповъ, которыми руководился онъ въ теченіе всей своей остальной жизни. Непрестанное изученіе Библии, особенно пророческихъ и апокалипсическихъ книгъ, укрѣпило въ немъ сознаніе грѣховности міра сего и усилило въ немъ желаніе избавить свой народъ стъ грядущаго гнѣва. Сначала онъ стремился къ покою и личной святости. Но его живое сознаніе удручавшихъ итальянское общество золъ, его убѣжденіе, что однимъ только покаяніемъ можно было отвратить угрожающее наказаніе, его нѣжная, отличавшаяся горячимъ сердцемъ натура, въ одно и то же время устрашавшаяся неизбѣжнаго приговора и въ то же время ужасавшаяся апатіи своихъ современниковъ, — все это вмѣстѣ и сдѣлало изъ него нравственнаго реформатора. Искренность и напряженность этихъ чувствъ преобразовала его изъ тонкаго толкователя библейскихъ предостереженій или чуткаго наблюдателя знаменій временъ во вдохновеннаго пророка, который вѣрилъ, что онъ получилъ возвышенное право непосредственнаго сношенія Богомъ, избраннымъ сосудомъ Котораго онъ былъ для провозглашенія Его Божественныхъ велѣній. И уже въ этомъ небольшомъ разсужденіи онъ беретъ основную ноту своей проповѣди. «Покайтесь, ибо приблизилось царство небесное», вотъ основной смыслъ всѣхъ его изліяній, — то пламя, которое сообщаетъ жгучесть его горячимъ обличеніямъ порока, то убѣжденіе, которое придаетъ поразительную силу его призывамъ къ добродѣтели, — пунктъ, на которомъ онъ сосредоточиваетъ все богатство своего аллегорическаго толкованія, — предметъ, который онъ поясняетъ всевозможными видѣніями, снами и таинственными бесѣдами съ Богомъ.

Руководясь этимъ разсужденіемъ, мы можемъ безъ затрудненія пройти весь періодъ съ 1475 по 1494 годъ. Молодой монахъ былъ теперь опытнымъ полемистомъ, могучимъ проповѣдникомъ, настоятелемъ монастыря св. Марка, генеральнымъ викаріемъ Тусканской конгрегаціи доминиканскаго ордена, а со смерти Лоренцо де Медичи — и самымъ виднымъ человѣкомъ во Флоренціи. Своимъ пламеннымъ благочестіемъ, своею личною чистотою, своею умственной силой, своимъ страстнымъ краснорѣчіемъ, своими грозными возвѣщеніями грядущаго гнѣва Божія онъ обратилъ на себя вниманіе всего города. Онъ еще не сдѣлался политикомъ и не надѣлалъ еще на себя мантии пророка. Въ мартѣ 1491 года онъ писалъ Фра Доминику да Песчіо: «Я проповѣдую обновленіе церкви и будущее наказаніе, правда, не безусловно, но всегда полагаясь на Св. Писаніе, такъ что никто не можетъ порицать меня, за исключеніемъ тѣхъ, которые не хотятъ жить по-христіански» ¹). Онъ угрожаетъ Италіи бичемъ за бичемъ, какъ наказаніемъ за ея грѣхи, — войнами, голодомъ и язвами, «И не будетъ достаточно людей для погребенія мертвыхъ; мертвые будутъ столь многочисленны въ домахъ, что гробовщики будутъ проходить по улицамъ, крича: «выносите вашихъ мертвыхъ», и будутъ складывать ихъ въ телѣги, на лошадей, и вывозить ихъ въ горы для погребенія. Они будутъ проходить по улицамъ, крича: «кто имѣетъ мертвецовъ? кто имѣетъ мертвецовъ?» И находящіеся внутри будутъ выходить и говорить: «вотъ здѣсь мой сынъ, мой братъ, мой мужъ». О, Флоренція! О, Римъ! О, Италія! Дни пѣсни и празднествъ прошли для тебя!» Онъ, очевидно, играетъ на струнахъ ужаса, надежды и жалости, и опытной рукой затрогиваетъ соотвѣтствующія струны въ сердцахъ своихъ слушателей. Вѣрный ему Віоли ²) часто прерываетъ записъ проповѣдей Савонаролы словами: «Здѣсь чувство и слезы мѣшали мнѣ писать»...

Доселѣ еще не возникало ни одного изъ тѣхъ затрудненій, которыми удручена была послѣдующая жизнь Савонаролы. Онъ еще не былъ теперь, да и никогда не былъ тѣмъ

¹) *Cherardi*, *Nuovi Documenti*, etc. (Firenze, 1878), p. 178.

²) *Prediche raccolte per Ser Lorenzo Violi da la viva voce del Rev. P. F. Hieronymo da Farrara giorno per giorno*. См. также *Quétif*, *Collections*, II, 613 и слѣд.

суровымъ фанатикомъ, какъ его изображаютъ иногда. Но чѣмъ внимательнѣе изучаешь его сочиненія, тѣмъ привлека- тельнѣе становится его личность. Его лицо, какъ оно изобра- жается на лучшихъ изъ извѣстныхъ его портретовъ, сурово и некрасиво, и однако въ высшей степени поразительно. Глаза его сверкаютъ изъ подъ густыхъ бровей; щеки измож- дены тревогой и аскетизмомъ; носъ большой, длинный, съ высокой горбиной; ротъ большой, губы толстыя и сжатые. Все выраженіе лица энергичное и, однако, носитъ отпечатокъ глубокой меланхолиі. Это было лицо проповѣдника, вдохно- венное краснорѣчіе котораго одерживало непримѣрные триумфы: это такое лицо, которое способно возбуждать въ его учени- кахъ сильную преданность и любовь къ учителю. Для всѣхъ своихъ послѣдователей, мужчинъ и женщинъ, богатыхъ и бѣд- ныхъ, онъ одинаково былъ истиннымъ духовнымъ отцомъ, непрестанно старавшимся уладить для нихъ ихъ жизненный путь. Будучи самъ всегда веселымъ и спокойнымъ, онъ ста- рался внушить имъ ту радость и тотъ внутренній міръ, ко- торые составляютъ награду для вѣрующихъ христіанъ. Его назидательныя сочиненія доказываютъ, что это былъ человѣкъ глубокой и пламенной вѣры, который носилъ на себѣ силь- ный отпечатокъ поэтическаго мистицизма, хотя и находивша- гося подъ контролемъ здраваго смысла и широкихъ умствен- ныхъ симпатій. Среди самыхъ утомительныхъ трудовъ, онъ не переставалъ быть любящимъ сыномъ и братомъ. «Ду- маешь ли ты», пишетъ онъ къ своему отцу изъ Болоньи, «что мнѣ ничего не стоило оставить тебя? Никогда, съ са- маго дня моего рожденія, я не испытывалъ болѣе острой боли, болѣе пронзительной тоски, чѣмъ въ тотъ моментъ, когда я оставилъ своихъ домашнихъ, чтобы отправиться въ среду незнакомыхъ». Глубокою нѣжностью звучитъ и его письмо къ своей матери: «Я намѣренъ былъ написать тебѣ лишь нѣсколько словъ, и вотъ, любовь неудержимо повлекла мое перо, и я открылъ тебѣ мое сердце такъ, какъ никогда не думалъ объ этомъ» ¹⁾. Тѣмъ же духомъ отличается и другое письмо къ ней, относящееся къ болѣе позднему времени: «Не бойся, что ты можешь когда-нибудь надобѣсть мнѣ сво- ими письмами, хотя для меня и трудно писать тебѣ всякій разъ столь длинное письмо, какъ это. Я такъ занятъ, что

¹⁾ Appendice all' Archivio Stor. Ital., № 35.

былъ прерываемъ пять разъ, прежде чѣмъ могъ кончить его. Но это не должно мѣшать тебѣ писать ко мнѣ часто, во имя Бога, и я, съ своей стороны, буду всегда стараться посылать тебѣ отвѣтъ, короткий или длинный» ¹⁾. Онъ находилъ время выражать сочувствіе и утѣшать своихъ друзей въ ихъ земныхъ испытаніяхъ, ободрять ихъ не ослабѣвать въ ихъ стремленіяхъ къ нравственной жизни, объяснять простымъ языкомъ глубочайшія тайны вѣры. И однако въ самыя занятые моменты своей непрерывной дѣятельной жизни, онъ никогда не забывалъ отдаваться обычнымъ молитвамъ и и размышленіямъ, которыя и были скрытымъ источникомъ его силы и мужества.

Въ качествѣ генеральнаго викарія домиканцевъ, первое употребленіе, какое онъ сдѣлалъ изъ своей власти, было преобразование этого ордена въ Тусканіи. Среди роскоши и пороковъ того времени, и доминиканцы не избѣгли общаго нравственнаго упадка. Амвросій Камальдольскій, которому папой Евгеніемъ IV поручено было обревизовать нищенствующіе ордена, нашелъ въ нихъ столь омерзительные безпорядки, что онъ могъ описать ихъ только на греческомъ языкѣ ²⁾. Савонарола самъ взялся возстановить чрезвычайную простоту въ своемъ орденѣ. Онъ самъ подавалъ во всемъ примѣръ. Цѣлью его было не вводить новыхъ правилъ болѣе строгаго аскетизма, но возстановить «старый уставъ», какъ онъ объясняетъ это настоятелициѣ монастыря Санъ Доминика въ Пизѣ ³⁾, — «выработанный нашими отцами, которые въ познаніяхъ и благочестіи бесконечно превосходили иноковъ нашего времени, и въ этомъ преобразовательномъ духѣ построить простые монастыри, носить одежды изъ грубой матеріи — старой, если нужно, и полученной чрезъ подаваніе, ѣсть и пить умеренно, согласно съ правилами святыхъ отцовъ, держать келіи пустыми безъ излишнихъ украшеній, соблюдать молчаніе, назначать особые часы для созерцанія, искать уединенія и бѣгать міра». Въ томъ же духѣ онъ пишетъ въ 1494 году Магдалинѣ делла Мирандоля, которая намѣрена была вступить въ монашество, увѣщевая ее соблю-

¹⁾ Archivio, p. 46.

²⁾ См. *Cantu*, Les Hérétiques d'Italie, I, 393—7.

³⁾ Письмо отъ 10 сентября 1493 года. *Mansi*, Additions to Baluse I, 586.

дать обѣтъ бѣдности и не покупать ни изящно тканыхъ одеждъ ни богато иллюстрированныхъ книгъ, ни великолѣпнаго брѣвіарія ¹⁾. Также и свою братію онъ увѣщаетъ любить бѣдность, быть столь вѣрными обѣтамъ цѣломудрія, чтобы избѣгать даже позволительныхъ увеселеній, быть смиренными, по отношенію къ высшимъ и даже къ равнымъ и низшимъ воздерживать языкъ, любить уединеніе, часто предаваться молитвѣ, причащенію и созерцанію. Въ то же самое время здравый смыслъ наложилъ сильный отпечатокъ на его отношеніе къ научнымъ занятіямъ и аскетизму. Онъ увѣщаетъ избѣгать крайностей въ постѣ и воздержаніи, и однако отказывается изложить однообразныя правила, которыя можно бы прилагать ко всѣмъ безотносительно къ ихъ различнымъ темпераментамъ. То и дѣло онъ увѣщаетъ братію предаваться научнымъ занятіямъ, какъ великому средству противъ злыхъ мыслей и гордости ²⁾. При такомъ уставѣ доминиканцы не должны были оставаться общиною невѣжественныхъ монаховъ.

О характерѣ внутренней жизни въ монастырѣ св. Марка можетъ свидѣтельствовать слѣдующее описаніе ³⁾. Часто монахи ходили толпой въ какое-нибудь уединенное мѣсто. Послѣ богослуженія они имѣли трапезу, отдыхали и затѣмъ собирались около своего настоятеля, который объяснялъ имъ какой-нибудь текстъ изъ Св. Писанія. Затѣмъ послѣ небольшой прогулки они садились подъ деревьями; тамъ настоятель избиралъ какую-нибудь прекрасную мысль изъ Св. Писанія и отдавалъ ее на ихъ размышленіе или задавалъ послушникамъ вопросы. Въ другое время онъ собиралъ своихъ собратій, чтобы пѣть гимны во славу нашего Господа, читать какія-нибудь мѣста изъ жизни святыхъ, изъ которыхъ онъ самъ извлекалъ полезныя наставленія. Однажды братія проходили подъ смоковицей, и настоятель сорвалъ нѣсколько небольшихъ вѣтокъ, которыя росли на нижней части ствола. Изъ сердцевинны онъ надѣлалъ маленькія фигурки въ родѣ голубей, которыя и раздавалъ своимъ радостно настроеннымъ спутникамъ, заставляя ихъ исчислять обычаи и свойства голубя, причѣмъ самъ объяснялъ его духовное значеніе. Такія описанія домашней жизни Савонаролы даютъ намъ возмож-

¹⁾ *Capponi*, Alcune Lettere, № 66, Firenze, 1858.

²⁾ *Regulae quae ad omnes religiosos pertinent*. Venetiis, 1494.

³⁾ *Burlamacchi*, Vita, Lucea, 1764, p. 29.

ность представить всю глубокую простоту его характера, — ту простоту, которая не несомѣстима съ тонкимъ и могучимъ умомъ.

Отъ преобразованія своего монастыря Савонарола перешелъ къ нравственному обновленію Флоренціи. Это дѣло наиболѣе лежало ему на сердцѣ; это была цѣль, на которой онъ сосредоточивалъ всѣ свои усилія. Въ соподчиненіи этой главной цѣли находились и его политика, и его пророчества. Политикъ безъ личнаго честолюбія, пророкъ безъ мысли о самопрославленіи, считая себя избраннымъ посланникомъ Божиимъ и орудіемъ обновленія Флоренціи, онъ говорилъ и дѣйствовалъ со всей неудержимой силой своей восторженной натуры. Народная конституція была для него орудіемъ для оздоровленія города и, поэтому, формой правленія, установленной Самимъ Богомъ. Сильный сознаниемъ возвышенности своихъ побужденій, онъ, къ сожалѣнію, не понималъ, какую оппозицію онъ возбуждалъ противъ себя, и что побудилъ сплотиться между собой религіозныхъ и политическихъ интригановъ, которые, подражая его примѣру отождествленія религіи и политики, добились его гибели. Нѣтъ основанія предполагать, что Савонарола не былъ безусловно искрененъ какъ въ своемъ притязаніи на высшее вдохновеніе, такъ и въ своей защитѣ республики, какъ дѣлъ Христовомъ. Его убѣжденіе въ этомъ было искренне, его заблужденіе было такимъ же. И это именно и придаетъ такой патетическій характеръ всей его борьбѣ. «Если Римъ», писалъ онъ своему брату Альберту въ августъ 1497 году, «будетъ противъ меня, знай, что онъ противится не мнѣ, а Христу. Онъ противоборствуетъ Богу» ¹⁾).

Во всѣхъ округахъ Тусканіи монастыри и отдѣльные мужчины и женщины отдавали себя подъ руководство Савонаролы. Число братіи въ монастырѣ св. Марка возросло отъ 50 до 230, и среди ихъ было много лицъ изъ благороднѣйшихъ фамилій. Кающіеся толпами собирались въ монастыри, и когда настоятель выходилъ на улицу, то за нимъ слѣдовали толпы его учениковъ. Незамѣтно и несознательно онъ образовывалъ партію, которая, какъ Піаньоны, была опорой его политическаго положенія. Но при всѣхъ перемѣнахъ въ своей жизни Савонарола прежде и главнѣе всего

¹⁾ *Marchese, Appendice all'Archivio Stor. Ital.*

былъ священникомъ и монахомъ. Въ исповѣдальнѣ ли, на каедрѣ, или въ палатѣ городского совѣта, всегда и вездѣ главною его цѣлью было усилить торжество религіи и основать царство Христово во Флоренціи. Въ послѣдовавшей затѣмъ борьбѣ онъ пришелъ къ бурному столкновению съ представителями эпохи Возрожденія и съ папствомъ. Отсюда именно и возникли четыре великихъ вопроса о его личности. Былъ ли онъ средневѣковый обскурантистъ, или христіанскій художникъ? Преданный сынъ церкви, или схизматикъ, еретики? вдохновенный, или самообольщенный пророкъ, или же шарлатанъ? Средневѣковый челоуѣкъ, или провозвѣстникъ новѣйшаго либерализма? Обвиненіе его въ вандализмъ основывается болѣе всего на знаменитомъ «сожженіи суетностей», произведенномъ имъ въ 1497 и 1498 годахъ. Такіе костры были обычнымъ спутникомъ періодовъ религіознаго возрожденія въ Италіи. На общественной площади, раздѣленной на три части, былъ воздвигнутъ высокій талато. Внизу его находились маски, фальшивыя бороды, карнавальныя наряды, маскарадныя одежды, люти, ящики съ игральными костями, волшебныя чары и пѣсенники, затѣмъ шли массы фальшивыхъ волосъ изъ бѣлаго или желтаго шелка, всевозможныя украшенія, вуали, косметическія жидкости, наклейки, краски и благовонія; далѣе шли груды томовъ, печатныхъ или рукописныхъ, романическихъ и эротическихъ поэтовъ, какъ Италіи, такъ и древняго міра, и на вершинѣ всего была поставлена фигура діавола. Всѣ эти матеріалы были внѣшними признаками наиболѣе господствующихъ пороковъ итальянскаго общества. Савонарола прибавилъ къ этому много картинъ съ нагими фигурами, по большей части фантастическіе портреты съ классическими именами или портреты публичныхъ женщинъ того времени. Очень возможно, что на этотъ костеръ попало нѣсколько драгоценныхъ произведеній искусства и нѣсколько цѣнныхъ манускриптовъ. Но если мы даже допустимъ все это, остается непоколебимымъ то убѣжденіе, что Савонарола былъ челоуѣкъ высокой натуры, отличался великой отзывчивостью и тѣмъ запасомъ здраваго смысла, который нерѣдко встрѣчается среди монастырскихъ отшельниковъ.

Прежде чѣмъ онъ вступилъ въ монастырь, въ его душѣ постоянно звучалъ стихъ Виргилія: «Эй, бѣги жестокихъ странъ,

бѣги отъ береговъ алчныхъ» ¹⁾. По его именно совѣту Камилла Ручелли основала свою знаменитую школу живописи въ монастырѣ св. Екатерины Сиенской. Въ своемъ собственномъ монастырѣ св. Марка онъ основалъ школы для изученія скульптуры, живописи, архитектуры, а также и для изученія восточныхъ языковъ. Въ средніе вѣка не принималось никакого другого перевода Св. Писанія, кромѣ Вульгаты; а Савонарола не только поощрялъ изученіе еврейскаго и арабскаго языковъ, но, чрезъ своего брата Альберта ²⁾, заказалъ шесть еврейскихъ Библій, очевидно для употребленія въ своемъ монастырѣ. Его именно просвѣщенной щедрости Флоренція обязана была сохраненіемъ библіотеки Медичей. Онъ желалъ изгнать изъ школъ Овидія, Катулла, Проперція и Теренція; но въ то же время готовъ былъ дать въ руки мальчиковъ Горація, Виргилія и Цицерона подъ условіемъ, чтобы то, чего имъ не доставало, было восполняемо изъ сочиненій бл. Иеронима и Августина. Въ годы юности онъ приготовилъ извлеченіе изъ Платона, хотя и сжегъ его, когда убѣдился, что въ дѣлахъ вѣры любая старуха знаетъ больше о Христѣ, чѣмъ зналъ этотъ аттический Моисей. Подъ вліяніемъ того же чувства онъ писалъ: «Все, что можно сказать въ похвалу мастеровъ и князей философіи, которыми такъ громко хвастались язычники, — Пифагора, Сократа, Платона и всѣхъ тѣхъ, въ комъ природа, какъ они говорятъ, сдѣлала свое высшее усиліе для достиженія человѣческаго совершенства, — то самое можно сказать о нашихъ маленькихъ дѣтяхъ» ³⁾. Исключительно обращая вниманіе на нравственные и религіозныя тенденціи искусства и литературы, онъ находилъ въ стремленіяхъ эпохи Возрожденія болѣе такого, что нужно было осуждать, чѣмъ такого, что можно было одобрять. И онъ былъ неодинокъ и не неоснователенъ въ своемъ мнѣніи. Баттисто Мантовано ⁴⁾ относилъ гуманистовъ къ числу семи чудовищъ міра подъ названіемъ «Superbia». Фра Джіованни Санъ-Минрато нападалъ на изученіе классиковъ на томъ основаніи, что языческіе поэты весьма опасны

¹⁾ „Heu fuge crudeles terras, fuge litus avarum“.

²⁾ 21 іюля, 1497. *Marchese*, Appendice all'Archivio Stor. Ital., p. 56.

³⁾ De Simplicitate Vitae Christianae.

⁴⁾ De Calamitatibus Temporum.

для юношества. Даже папа Пій II думалъ, что движеніе это перешло всѣ границы, когда Сигизмундъ Малатеста ввелъ языческіе символы въ церковь въ Римини. Не было совсѣмъ неосновательнымъ и его мнѣніе, что своимъ нравственнымъ упадкомъ Италія того времени была обязана водворенію языческаго духа. Нравственность, идеи, языкъ, искусство, религія,—все это было наводнено и, какъ онъ думалъ, испорчено язычествомъ. За разрѣшеніемъ всякаго вопроса люди обращались не къ среднимъ вѣкамъ, а къ древности. Схоластика была съ презрѣніемъ отвергнута; Моисей и Тома Аквинатъ подверглись забвенію; Платонъ возводился на одинъ уровень съ Христомъ. Савонарола видѣлъ, что Римъ пользовался почетомъ Италіи не какъ сѣдалище церкви, а какъ бывшій тронъ римскихъ императоровъ. Онъ слышалъ, какъ одинъ епископъ предпочиталъ свиданіе съ своей возлюбленной радости своего избранія, Св. Тайны называлъ амброзіей и нектаромъ, мессу—*sacra Deorum*, кардиналовъ—сенаторами, ихъ декапа—*principes senatus*. Философы праздновали день рожденія Платона, игнорируя день Рождества Христова, и разсуждали не о Творцѣ вселенной, а о вѣчности матеріи и міровой душѣ. Если поэты призывали Пресвятую Дѣву, то заканчивали свои строки обращеніемъ къ Венерѣ. Живописцы въ своихъ подражаніяхъ древности измѣняли, какъ ему думалось, лучшимъ преданіямъ своего искусства. Если у проповѣдниковъ Христосъ былъ на устахъ, то, выражаясь словами Эразма, въ сердцѣ своемъ они имѣли Юпитера и Ромула. Ученые читали лекціи о красотахъ эротическихъ поэтовъ, или соперничали въ распущенномъ стихоплетствѣ съ самыми неприличными изъ классиковъ. Народъ былъ зараженъ тѣми же самыми вкусами. Въ своихъ легендахъ онъ полагалъ мѣсто рожденія Христа въ великолѣпномъ дворцѣ, а не въ стойлѣ или пещорѣ, и стекался посмотреть вырытый изъ земли трупъ Юліи, дочери Клавдія, какъ будто древность дѣлала ее болѣе прекрасной, чѣмъ возвышеннѣйшій типъ новѣйшей красоты. Церковныя каедры наводнялись женатыми мірянами, которые произносили публично лекціи по вопросу о сценахъ торжества или траура. Онъ слышалъ, какъ дѣтей крестили латинскими именами, и всѣ обычаи общественной жизни и официальные титулы латинизировались. Онъ видѣлъ, какъ артисты и художники изображали любовь лишь какъ чувственное наслажденіе, а не глубокую духовную страсть возвышеннѣйшаго рода. Онъ слышалъ, какъ метрессы князей

воспѣвались поэтами, или видѣлъ, какъ онѣ изображались художниками, и въ обществѣ занимали мѣсто гетеръ классическихъ Аѳищ. Онъ видѣлъ, какъ поклоненіе историческому величію предпочиталось христіанскому идеалу благочестія; къ порокамъ, не смотря на которые, герои сдѣлались великими, относились съ равнодушіемъ; и даже лучшіе изъ возвышенныхъ умовъ дѣйствовали скорѣе подъ вліяніемъ страсти къ славѣ, чѣмъ изъ духа вѣры, надежды и любви.

Охваченный одной идеей—нравственно-религіознаго преобразования Флоренціи, Савонарола неизбѣжно долженъ былъ стать лицомъ къ лицу съ этимъ чрезмѣрнымъ увлеченіемъ древностью. Даже съ художественной точки зрѣнія трудно было сказать, чтобы онъ былъ неправъ. Импульсъ, данный Джіотто живописи, ослабѣлъ до наступленія пятнадцатаго вѣка. Его оригинальныя наблюденія художники превратили въ условное бездушіе. Типы, положенія, выраженія, — все это сдѣлалось стереотипнымъ. Свѣжій порывъ художественной работы начинается съ соперничества изъ-за вратъ баптистеріи св. Іоанна во Флоренціи, — соперничества, которое сводитъ вмѣстѣ такихъ художниковъ, какъ Гиберти, Брунеллески и Донателло. И композиція, и модель этихъ вратъ—«столь чудесно сдѣланныхъ, что они могли бы, по выраженію поэта, сдѣлаться вратами къ небу»,—составили школу живописи, въ которой работали такіе художники, какъ Паоло Уччелло, Масолино и особенно Масаччіо. Единственнымъ источникомъ вдохновенія сначала было изученіе природы, потому что искусство не было достаточно сильнымъ для постиженія высшей красоты древнихъ моделей. На помощь ему пришла наука. Замѣтный прогрессъ былъ сдѣланъ въ перспективѣ, разстояніи, рельефѣ, округленности, пропорціи, въ распредѣленіи свѣта и тѣней, колоритности. Фигуры становятся болѣе исполненными движенія, драпировка болѣе подвижной, положенія болѣе естественными, выраженія — болѣе индивидуальными. Всѣ эти характеристическія черты выступаютъ въ живописи Масаччіо, и въ скульптурѣ — Донателло и Гиберти. Въ ихъ произведеніяхъ искусство заключило плодотворный союзъ съ природой и древностью. Языческая цивилизація сочеталась съ христіанскимъ преданіемъ, желаніе подражать природѣ—съ стремленіемъ выражать идеаль. Художники были восторженными поклонниками классическаго искусства и, однако, отличались мощью и независимостью въ своей оригинальности. Хотя оба эти

искусства оставались равными въ своей силѣ, живопись однако достигла наивысшихъ триумфовъ. Языческій антропоморфизмъ боготворилъ человѣка и природу; средневѣковое искусство изгоняло матерію и отказывалось признавать природное благородство человѣческой формы. Эпоха Возрожденія въ своей первой стадіи объединила эти два принципа духовнаго и физическаго реализма. Масаччіо изображалъ какъ душу, такъ и тѣло. Другіе, во главѣ которыхъ былъ Фра Анджелико, держались въ сторонѣ отъ новѣйшихъ усовершенствованій и лѣнули къ старымъ школамъ. Мечтательный въ своемъ ландшафтѣ, мистикъ въ гармонической мягкости своихъ формъ, глубоко благочестивый въ своихъ чувствахъ, онъ является представителемъ школы Джіотто во всей ея искренности, простотѣ и вѣрѣ. Моделями для него были сами святые, потому что и его собственная жизнь была благочестива.

Но при Лоренцо де Медичи искусство начинаетъ падать во Флоренціи. Педантизмъ позднѣйшихъ художниковъ въ одно и то же время составляетъ и измѣну классической традиціи, и уклоненіе отъ христіанства. Художники, изображая Венеру или Мадонну, изображали ее очаровательной женщиной, но безъ величаваго спокойствія одной или глубочайшаго смиренія другой. Энергія концепціи и живость изображенія, отличавшія золотой вѣкъ, исчезаютъ. Въ украшеніи, стилѣ архитектурной обстановки, въ выборѣ сюжета, древность плѣнила Гирландайо, Филиппино Липпи и Боттичелли. Живопись стала отличаться утонченностью и искусственностью манеръ подражательнаго вѣка. Техническое искусство занимаетъ мѣсто вдохновенія. Подъ влияніемъ слѣпнаго преклоненія предъ древностью оживаютъ идеи и символы, которые не имѣютъ основъ въ жизни Италіи, и всѣ рукоплескали, когда художники изображали обычаи обитателей Олимпа.

Противъ этого-то упадка живописи и возсталъ Савонарола. Нѣкоторые думаютъ, что итальянскій геній достигъ бы высокаго процвѣтанія и принесть бы обильные плоды и безъ изученія древности. Поэтому, открывается широкое поприще для разсужденій касательно того возможнаго направленія, по которому пошли бы наиболѣе горячіе умы того времени, если бы Савонаролѣ удалось задержать потокъ классицизма. Не вдаваясь въ этотъ предметъ, мы скажемъ только, что эстетическіе принципы Савонаролы можно кратко опредѣлить какъ противодѣйствіе этому ниспаденію искусства

до чисто гуманистическаго уровня, и представляли идеаль христіанскаго чувства въ сочетаніи его съ естественнымъ выраженіемъ. Идеальная красота, подражаніе природѣ, простота стиля, возвышенность предмета — вотъ его эстетическіе принципы, и трудно сказать, что инстинктъ Савонаролы заблуждался, когда онъ осуждалъ современные ему недостатки и предлагалъ средство для исцѣленія современнаго ему искусства.

Его взгляды изложены въ его проповѣдяхъ и сочиненіяхъ. Вотъ нѣсколько извлеченій, которыя можно бы увеличить до безконечности: «Красота состоитъ не въ раскрашиваніи только. Это есть качество, которое происходитъ отъ пропорціи и гармоніи членовъ и другихъ частей тѣла. Вы называете женщину красивой не потому, что у нея красивый носъ и красивыя руки, но потому, что каждая черта и каждый членъ у нея вполне пропорціональны. Что же служить источникомъ этой красоты? Вникните въ это хорошенько, и вы увидите, что она истекаетъ изъ души. И по-истинѣ, въ тотъ моментъ, какъ душа исчезаетъ, тѣло становится блѣднымъ и презрѣннымъ; красота его убѣгаетъ ¹⁾).

«Вы видите поэтому, что чѣмъ болѣе что-нибудь безтѣлесно, тѣмъ оно болѣе прекрасно.

«Насколько же душа должна быть прекраснѣе тѣла, если мы видимъ, что свою красоту тѣло заимствуетъ у души, и если душа прекрасна сама по себѣ, насколько прекраснѣе должна быть она, когда обладаетъ также божественной благодатью! Насколько прекраснѣе должны быть еще души избранныхъ! Но даже и ихъ красота превосходитъ еще красотой святыхъ духовъ и серафимовъ. И, наконецъ, поразмыслите, насколько выше всего этого красота Бога ²⁾!

«Взгляните на благочестивую личность, мужчину или женщину, на человѣка, въ которомъ духъ господствуетъ надъ чувствами; взгляните на нихъ, когда они молятся или когда встали съ колѣнъ, и вы увидите, какимъ яркимъ свѣтомъ божественной красоты озарены ихъ лица; вы увидите, какъ красота Божія сіяетъ на ихъ лицахъ; вы увидите красоту ангела. Всѣ тѣ, кто въ благоговѣйномъ смиреніи причащаются Св. Тайнъ,

¹⁾ Проповѣди на пророка Іезекііля, Великимъ постомъ 1497 г., № XXVIII.

²⁾ Тамъ же.

настолько соединяются съ Богомъ, что на ихъ лицахъ проявляется присутствіе божественнаго свѣта ¹⁾).

«Въ совершенномъ христіанинѣ главные добродѣтели, которыя производятъ праведную жизнь и красоту формы, суть горячая вѣра и любовь къ нашему Распятому Спасителю. По мѣрѣ того, какъ углубляются вѣра и любовь, возрастаютъ и внѣшняя миловидность и красота, пока не становятся способными увлекать сердца людей ²⁾).

«Возьмите двухъ женщинъ, одинаково замѣчательныхъ тѣлесною красотою, одна изъ которыхъ ведетъ святую, а другая — худую жизнь. Первую больше любятъ, чѣмъ вторую, и взоры всѣхъ мужчинъ, — даже и наиболѣе плотски настроенныхъ мужчинъ, — слѣдятъ за добродѣтельной женщиной. Возьмите благочестиваго мужа, внѣшность котораго безобразна: всякому пріятно смотрѣть на него; его благочестіе, не смотря на его невзрачность, озаряетъ ему лицо и придаетъ ему красоту ³⁾).

«Душа, которая возлюблена Богомъ, становится прекраснѣй по мѣрѣ того, какъ она все болѣе воспринимаетъ божественной благодати. Рассказываютъ, что при видѣ Пресвятой Дѣвы, въ присутствіи ея чудесной красоты, всѣ мужчины стояли въ нѣмомъ оцѣпенѣніи. Но столь была велика святость, сіявшая на ея лицѣ, что она никогда не возбуждала никакой дурной мысли. Не было человѣка, который бы не чувствовалъ глубочайшаго благоговѣнія къ ней» ⁴⁾).

Но хотя и будучи идеалистомъ, Савонарола отнюдь не исключалъ изученія природы. «Прелесть произведеній искусства состоятъ въ его подражаніи природѣ; и доказательствомъ этого служить то, что высшая похвала, какую мы высказываемъ живописной картинѣ, состоятъ въ такихъ выраженіяхъ: «эти животныя точно живыя», «эти цвѣты совершенно натуральны» ⁵⁾).

Стали ли бы вы подражать Богу, Котораго не можете видѣть? Какъ вы можете сдѣлать это? Взирая на рисунки, образцы, изображенія, которыя вышли изъ Его рукъ; то есть, вы должны подражать естественнымъ предметамъ, точно

¹⁾ Triumphus Crucis, II, с. X.

²⁾ Тамъ же.

³⁾ Проповѣдь на пр. Амоса — въ 3-е воскр. Вел. поста, 1496 года.

⁴⁾ Проповѣди на пророка Аггея — (3-я проповѣдь), произнесенныя въ ноябрѣ и декабрѣ 1494 года.

⁵⁾ De Simplicitate Vitae Christianae, 3-я книга, первая истина. Венеція, 1547 года.

такъ, какъ живописецъ беретъ челоуѣка или дерево и по нему начертываетъ его образъ» ¹⁾).

Искать идеала и изучать природу — вотъ два эстетическихъ принципа Савонаролы. Третій есть простота. «Спросите живописца, что наиболѣе пріятно: изображеніе въ натянутомъ, или свободномъ естественномъ положеніи? Онъ скажетъ вамъ, что наилучшее и пріятнѣйшее есть наиболѣе свободное и наиболѣе естественное» ²⁾. Тоже самое, прибавляетъ Савонарола, и съ проповѣдничествомъ. И, наконецъ, чтобы сдѣлаться мастеромъ въ христіанскомъ искусствѣ, художникъ самъ долженъ повиноваться законамъ Божиимъ. «Всякій художникъ изображаетъ самого себя. Какъ бы ни были разнообразны его предметы, его произведенія носятъ на себѣ явный отпечатокъ его мысли» ³⁾).

Савонаролу осуждали за то, что онъ отвергалъ и осуждалъ изученіе наготы. Въ его сочиненіяхъ нѣтъ и слѣда этого. Все, что онъ обличалъ, это — выставку изображеній наготы для публики. Онъ никогда не уставалъ побуждать художниковъ изображать сцены, которыя дышатъ только добродѣтельными чувствами, и, главнѣе всего, оберегать невинность дѣтства. Что касается изображеній, помѣщаемыхъ въ церквахъ, то онъ напоминаетъ художникамъ, что картины или иконы суть книги для неграмотныхъ; онъ настаиваетъ, что не слѣдуетъ вводить въ нихъ никакихъ постороннихъ подробностей, которыя бы противорѣчили простотѣ евангелія, и что нужно постоянно имѣть въ виду священность зданія, для котораго они работаютъ, и истинную цѣль христіанскаго искусства. «Вы, живописцы, дѣйствуете въ дурномъ направленіи. Вы вносите въ церковь всякаго рода суетности. Если бы вы знали, что слѣдуетъ отсюда и что знаю я, то вы не дѣлали бы этого. Вы сдѣлали бы хорошо, если бы уничтожили всѣ нескромныя изображенія. Вы придаете Пресвятой Дѣвѣ Маріи костюмъ куртизанки. Смотрите же, какъ этимъ профанируется богослуженіе» ⁴⁾. Въ этомъ отношеніи онъ только предвосхищаетъ

¹⁾ Проповѣди на Псалмы: „*Quam bonus*“, Рождественскіи постъ, 1493.

²⁾ Проповѣди на праздничные дни, 20 мая 1496 г.

³⁾ Проповѣди на прор. Іезекіиля, Великомъ постомъ 1497 года. № XXVI.

⁴⁾ Проповѣди на прор. Амоса въ Великомъ посту 1496 года, въ субботу послѣ второго воскресенья.

постановленіе Тридентскаго собора: «нужно избѣгать всякаго излишества, такъ чтобы иконы не рисовались и не украшались съ чрезмѣрною роскошью» ¹⁾).

Каково бы ни было наше мнѣніе объ этихъ изреченіяхъ, во всякомъ случаѣ это отнюдь не эстетическая безпринципность какого-нибудь вандала. Протесты Савонаролы произвели громадное вліяніе. Поле, которое онъ оставилъ открытымъ, было и достаточно широкое. Въ его предѣлахъ средневѣковые живописцы достигли безсмертія; ему посвятили свой гений Фра Анжелико и Лука делля-Роббіа. Многіе художники оставили міръ и вступили въ монастыри. Миниатюристы Бенедетто, Лапаччини, Евстакію; архитекторы Франческо дель-Прато и Доменико ди-Паоло; живописцы Агостино дель-Муджелло и Бартоломео делля-Порто, и, наконецъ, двое изъ фамиліи Делля-Роббіа сдѣлались доминиканцами ²⁾). Другое доказательство его вліянія можно видѣть въ многочисленности его назидательныхъ твореній, которыя иллюстрировались первоклассными художниками того времени. *Sancta Dei plebs*, какъ Савонарола называлъ народъ, всегда оставался любезнымъ его сердцу, и одною изъ причинъ его нелюбви къ классицизму былъ противонародный характеръ послѣдняго. Вѣдь классицизмъ рѣзкой разграничительной чертой отдѣлялъ образованныхъ отъ необразованныхъ, и порывалъ связь между искусствомъ и народомъ.

Мы довольно долго остановились на отношеніи Савонаролы къ живописи, чтобы отвѣтить на обвиненіе его въ вандализмѣ. Другимъ опроверженіемъ этого обвиненія служить его дружба съ передовыми гуманистами, историками, поэтами, художниками, скульпторами, архитекторами и граверами его времени. Онъ былъ другомъ Пико делля-Мирандоля, который не могъ жить безъ него и погребенъ въ церкви св. Марка. Въ той же церкви похороненъ Полиціано, который отзывается о немъ, какъ о «знаменитомъ и ученіемъ, и святою жизнью

¹⁾ „Omnis denique lascivia vitetur, ita ut procaci venustate imagines non pingantur nec ornentur“. Sess. XXV, c. I. „De invocatione veneratione, et reliquiis sanctorum, et sacris imaginibus“. См. „*Marchese, Artisti Domenicani*, I, 434. См. также *Canones et Decreta Sacrosancti Oecumenici Concilii Tridentini*. Ratisbonae, 1869, p. 164.

²⁾ *Marchese, Memorie dei più insigni Pittori, Scultori, ed. Architetti Domenicani*, I, 512 et. seqq. (ed. 4).

мужѣ и славномъ проповѣдникѣ небеснаго ученія» ¹⁾. Его восхвалялъ и восторгался имъ платонистъ Фечино, который называетъ его человѣкомъ, выдающимся своимъ благочестіемъ и мудростью, и передъ смертью, благодаря ученію Савонаролы, вновь позналъ путь вѣчной жизни. Бенивіени, платоническій поэтъ, составилъ въ честь его нѣсколько словословіи и псалмовъ, которые пѣлись дѣтми въ процессіяхъ во время карнавала. Уголино Верини посвятилъ ему латинскіе стихи о монашеской жизни, и въ одномъ интересномъ благодарственномъ письмѣ Савонарола выражаетъ свои взгляды на поэзію. Онъ осуждалъ не самое поэтическое искусство, а тѣ злоупотребленія, въ которыхъ были повинны отдѣльные поэты. Онъ говоритъ также, что и самъ онъ недавно написалъ трактатъ объ искусствѣ поэзіи ²⁾, хотя и пренебрегалъ въ теченіе послѣднихъ двадцати двухъ лѣтъ изученіемъ беллетристики ³⁾. Сандро Боттичелли написалъ его жизнь, которая, къ несчастью, потеряна ⁴⁾. Лоренцо ди Креди ⁵⁾ былъ однимъ изъ его наиболѣе горячихъ приверженцевъ и считалъ однимъ изъ своихъ драгоценнѣйшихъ сокровищъ нагрудникъ (*scapularium*) Савонаролы. Фра Бенедетто умолялъ, чтобы ему умереть вмѣстѣ съ своимъ настоятелемъ, и утолялъ свою скорбь поэмами въ память его. Бачіо делля Порто, болѣе извѣстный подъ именемъ Фра Бартоломео, столь глубоко скорбѣлъ о его смерти, что въ теченіе четырехъ лѣтъ не касался кисти; ни искусство, ни міръ не имѣли уже для него никакой прелести, и въ 1500 году онъ удалился въ монастырь. Скульпторъ Бачіо да Монтелюпо былъ изгнанъ изъ Флоренціи за то, что остался вѣренъ памяти своего учителя. Архитекторъ Кронако ⁶⁾ не могъ ни о чемъ говорить, кромѣ какъ о его смерти. Для всей фамиліи Делля-Роббіа ⁷⁾ онъ былъ пророкомъ и учителемъ. Андреа украсилъ алтарь въ церкви св. Марка изображеніемъ Дѣвы, увѣнчанной лиліями и поклоняющейся Младенцу Христу; двое изъ его сыновей приняли мона-

¹⁾ Ер., Lib. IV, 2.

²⁾ Издавъ въ Вѣнѣ въ 1534 году, но, вѣроятно, написанъ въ 1492. (*Opus perutile de divisione scientiarum, in poetice apologeticus.*)

³⁾ 1492 г. См. *Cherardi*, *Nuovi Documenti*, p. 184.

⁴⁾ *Vasari*, *Vita di S. B.*, V, 117 (ed. Le Monnier).

⁵⁾ *Vasari*, VIII, 207.

⁶⁾ Тамъ же, VIII, 126.

⁷⁾ Тамъ же, III, 71.

шество и получили доминиканское облаченіе изъ рукъ самого Савонаролы. Среди защитниковъ монастыря во время ночного нападенія 1498 года были трое изъ фамиліи Делля Роббіа, и лучший разсказъ о послѣдовавшихъ сценахъ данъ Фра-Лукой, извѣстнымъ міру подъ именемъ Марко Делля-Роббіа. Послѣ смерти Савонаролы они увѣковѣчили его имя и наиболѣе знаменитое изъ его видѣній медалями, носящими на одной сторонѣ изображеніе головы монаха, а на другой — изображеніе укрѣпленнаго города со сходящимъ на него мечемъ Господнимъ. Наиболѣе совершенное произведеніе Джіованни делля Карніоле есть его драгоценный камень (*intaglio*) съ рѣзнымъ изображеніемъ Савонаролы. И наконецъ, Микель-Анджело Буонаротти читалъ и перечитывалъ его проповѣди, чтобы освѣжать свой духъ, когда онъ занятъ былъ отдѣлкой Сикстинской капеллы, и вдохновлялся ихъ религіознымъ пыломъ, смѣлостью концепціи и чисто дантовскимъ воображеніемъ.

Савонарола такимъ образомъ отнюдь не былъ невѣжественнымъ въ искусствѣ вандаломъ. Равнымъ образомъ несомнѣнно, что онъ не былъ, какъ утверждаютъ протестантскіе историки, своего рода Лютеромъ Италіи, бичомъ новаго Вавилона, заклятымъ врагомъ римскаго антихриста. Въ 1521 году Лютеръ находился на пути въ Вормсъ. Въ Наумбургѣ съ нимъ встрѣтился священникъ и показалъ ему изображеніе Савонаролы. Лютеръ вполне понималъ смыслъ этого дѣйствія, но смѣлость его не поколебалась ¹⁾. Два года спустя онъ издалъ переводъ толкованій Савонаролы на «*Miserere mei*» и на «*In te, Domine, speravi*», и въ предисловіи ²⁾ онъ говоритъ о немъ, какъ чистомъ образцѣ евангельской вѣры и христіанскаго благочестія, который не полагался на добрыя дѣла, а только уповалъ на Божественное милосердіе. Противодѣйствіе Савонаролы папѣ Александру VI, изобличеніе имъ пороковъ Рима и его трагическая смерть, вмѣстѣ съ авторитетомъ Лютера завоевали ему симпатіи протестантовъ. Они внесли его имя въ свой мартирологъ съ особымъ двустишіемъ, которое

¹⁾ *Audin*, Histoire de Luther, II, 87; Paris, 1850. *D'Aubigné*, Histoire de la Reformation, вк. VIII, с. 7.

²⁾ *Meditatio pia et erudita Hier. Savonarolae a papa exusti supra Psalmos „Miserere mei“ et „In te, Domine, speravi“, cum praefatione Lutheri, 1523.*

приводится у Бейля ¹⁾. Ѳеодоръ Беза ²⁾ спрашиваетъ, кто не подивился бы при видѣ такого благочестія и ревности, сочетавшихся подъ клобукомъ монаха и доминиканца? Въ настоящемъ столѣтіи многіе писатели старались записать Савонаролу въ число протестантовъ, особенно Рудельбахъ ³⁾, Мейеръ ⁴⁾, Пауль ⁵⁾ и Газе ⁶⁾. Въ томъ же духѣ написана драматическая поэма Ленау ⁷⁾. Савонарола изображенъ на большой картинѣ «Вѣкъ Реформаціи», въ Берлинскомъ музеѣ, среди предшественниковъ Лютера, и Ричель отвелъ ему мѣсто вмѣстѣ съ Гусомъ, Вальдо и Виклифомъ на пьедесталѣ своей статуи Лютеру въ Вормсѣ.

Но стоитъ только прочесть назидательныя сочиненія Савонаролы, и главнѣе всего его «Торжество Креста», чтобы не оставалось никакого сомнѣнія въ томъ, что онъ жилъ и умеръ вѣрнымъ сыномъ римско-католической церкви. Онъ ничего не требовалъ другого, кромѣ преобразованія нравственности; онъ нисколько не нападалъ на догматы или вообще на ученіе церкви. По своему положенію онъ походилъ на Герсона, а не Лютера. Его преобразовательнымъ идеаломъ было то, чего требовалъ соборъ Констанцкій и чего отчасти достигъ соборъ Тридентскій. Въ своемъ трактатѣ «О простотѣ христіанской жизни» (въ предисловіи) онъ выражаетъ надежду, что «читатель не найдетъ у него ничего противнаго наставленіямъ святыхъ учителей и ученію святой римско-католической церкви, суду которой я всегда покаяюсь». И римско-католическая церковь, какъ мы видѣли, торжественно признала, что его сочиненія ничего не содержатъ въ себѣ «еретическаго, схизматическаго или ошибочнаго». То, на что нападаетъ Савонарола, есть жизнь, а не ученіе Рима, и онъ желалъ Вселенскаго собора для устраненія тѣхъ пороковъ, которые оскверняли чистоту церкви. Правда, что въ своемъ сочиненіи «О простотѣ христіанской жизни» онъ основываетъ свои доводы скорѣе на разумъ, чѣмъ на Св. Писаніи. Но

¹⁾ Dictionnaire, s. v. „Savonarola“.

„En monachus solers rerum scrutator acutus.
Martyrio ornatus Savonarola pius“.

²⁾ Icones, ets. Geneva, 1580.

³⁾ Hieronymus Savonarola. Von A. G. Rudelbach; Hambourg, 1835.

⁴⁾ Girolamo Savonarola. Von F. K. Meier; Berlin, 1836.

⁵⁾ I. Savonarola. Par T. Paul. Genève 1857.

⁶⁾ Neue Propheten. Von C. A. Hase; Leipzig, 1861.

⁷⁾ Savonarola. Ein Gedicht. Von N. L e n a u. Zweite Auflage, 1844.

этимъ методомъ разсужденія онъ пользовался въ виду гуманистовъ, которые издѣвались надъ Библіей, какъ устарѣвшей, и надъ христіанствомъ, какъ потерявшимъ свое значеніе. Онъ смѣло принималъ вызовъ тѣхъ, которые, подобно Данте ¹⁾, указывали на разумъ, какъ на отличный даръ людей, или, подобно Петраркѣ ²⁾, утверждали, что нѣтъ авторитета, который бы стоялъ выше разума. А самая аргументація у него совершенно согласна съ римскимъ ученіемъ. Вѣрно также и то, что Савонарола придаетъ безграничное значеніе изученію Св. Писанія. Но нужно помнить, что онъ боролся съ худо замаскированнымъ язычествомъ своихъ современниковъ и что онъ могъ ссылаться на примѣръ Герсона и Петра д'Айли ³⁾, которые искали въ изученіи Св. Писанія простого апостольскаго ученія.

Его направленіе было, по существу, практическимъ и, можно прибавить, собственно итальянскимъ. Итальянскій умъ скорѣе этический, чѣмъ метафизическій, занимается болѣе конкретными реальностями, чѣмъ отвлеченными вопросами, останавливается на поведеніи, а не на схоластическихъ разсужденіяхъ. Онъ считаетъ нравственную философію матерью наукъ. Главнымъ предметомъ его изученія въ средніе вѣка былъ законъ; главнымъ предметомъ разсужденія были отношенія между духовною и свѣтскою властью, между папствомъ и имперіей, между универсальной монархіей и гражданской автономіей. Крупныя ереси, поэтому, были рѣдки въ Италіи. Костры рѣдко зажигались для истребленія заблужденій вѣры; въ 1327 году Чекко д'Асколи былъ сожженъ за вызываніе умершихъ, а 1452 году Николай Веронскій былъ осужденъ за волшебство. Въ этомъ именно существенно различаются между собою преобразовательныя движенія, съ которыми связаны имена Савонаролы и Лютера. При видѣ глубокой нравственной испорченности церкви и общества онъ мучился душой и всю свою жизнь посвятилъ борьбѣ со зломъ. Предостеречь Италію и ея церковь, добиться нравственнаго и дисциплинарнаго преобразованія одной, побудить другую къ болѣе чистой жизни, и обѣ спасти отъ угрожавшей имъ гибели—вотъ что было его единственною цѣлю. Савонарола ни-

¹⁾ Convito, II, 8, 9; III, 14; IV, 7.

²⁾ *Petrarca's Leben und Werken*. Von G. Koesting; p. 517.

³⁾ *Recommendatio Sacrae Scripturae*.

когда не имѣлъ въ виду какого-либо другого проекта преобразования, кромѣ того, которое тщетно пытались совершить соборы Пизанскій, Констанцскій и Базельскій, и которое было идеаломъ трактата Герсона «О преобразованіи церкви на Вселенскомъ соборѣ», или Петра д'Айли въ «Разсужденіи о необходимости преобразованія церкви во главѣ и въ членахъ». Его слова напоминаютъ языкъ Николая Клемангиса ¹⁾, который увѣщаетъ римскую церковь пробудиться отъ своей апатіи и своихъ заблужденій и признать въ пророческихъ обличеніяхъ своихъ грѣховъ предостереженіе для себя, и въ Апокалипсисѣ — изображеніе угрожавшей ей судьбы. Въ своемъ отношеніи къ папству онъ отличалъ личность папы отъ намѣстника Христова. Герсонъ ²⁾ усвоилъ ту же аргументацію, когда говорилъ, что послушаніе высшимъ властямъ безгранично, и что обязанность въ этомъ отношеніи прекращается, «когда дѣйствія ихъ завѣдомо составляютъ зло и соблазнъ для церкви». Такъ равнымъ образомъ и Петръ д'Айли ³⁾, отвѣчая на доводы канонистовъ, говорилъ, что ап. Петръ на землѣ не непогрѣшимъ, и что поэтому ошибочно говорить о папѣ, какъ святомъ, потому только, что онъ папа. Также и Пико делла-Мираподолья ⁴⁾ объясняетъ въ томъ же духѣ истинное значеніе правила: *Sententia pastoris, sive justa sive injusta, timenda*. Наконецъ, и мнѣніе Савонаролы, что симонически избранный папа не есть истинный папа, получило, такъ сказать, ретроспективное подтвержденіе, когда папа Юлій III постановилъ, что всякое избраніе папы, опороченное симоніей, не дѣйствительно *ab initio*.

Иеронимъ Савонарола вообще не былъ ни фанатичнымъ противникомъ возрожденія, ни предшественникомъ протестантской реформаціи. Такъ не былъ ли онъ въ такомъ случаѣ просто шарлатаномъ и обманщикомъ? Или не былъ ли онъ, какъ гласитъ надпись на его наиболѣе извѣстномъ портретѣ, пророкомъ, посланнымъ отъ Бога? Нѣтъ, Савонарола просто былъ человѣкомъ возвышенной вѣры, который въ восторгахъ экстатического мистицизма терялъ сознание и становился предметомъ галлюцинацій, которыя дѣлали лихорадочную возбуж-

¹⁾ De Ruinâ Ecclesiae, c. 41.

²⁾ De Reformatione, c. 24.

³⁾ Monita, c. I.

⁴⁾ Apologia. кн. I.

депность его въ жизни хроническою. Онъ слышалъ голоса, шептавшіе ему на ухо; онъ видѣлъ ангеловъ, восходящихъ съ земли на небо, или сходящихъ съ неба на землю; обнаженные мечи, пронзавшіе небо, пламенные кресты, горѣвшіе по ночамъ, кисти рукъ, простиравшіяся для благословенія или угрозъ. Онъ думалъ, что въ Библии написана вся исторія народовъ, и что ему дано было раскрыть таинственное значеніе ея страницъ. Но онъ не ограничивался истолкованіемъ: онъ признавалъ за собою непосредственное вдохновеніе, и въ этомъ притязаніи не было ничего особеннаго. Оно находилось въ согласіи съ преданіями римской церкви, съ ученіемъ Оомы Аквината, съ модной платонической философіей. Пророческія предсказанія св. Гильдегарды ¹⁾ были изслѣдованы и одобрены соборомъ Тревскимъ (1147 г.) и пользовались большимъ авторитетомъ въ средніе вѣка. Пророческія предсказанія аббата Іоахима ²⁾ пользовались также широкою извѣстностью по всей Италіи. Св. Бригитта ³⁾, умершая въ Италіи въ 1373 году, оставила послѣ себя собраніе откровеній, ради которыхъ получила канонизацію. Св. Екатерина Сіенская слышала голоса, которые открывали ей тайны политической жизни, и на основаніи этихъ откровеній дѣйствовалъ папа Урбанъ VI во время великаго западнаго раскола.

Въ своемъ «Компендіумѣ откровеній» и въ трактатѣ «О пророческой истинѣ» Савонарола утверждаетъ и отстаиваетъ свой даръ пророчества. Въ странномъ собесѣдованіи, которое онъ ведетъ съ искусителемъ въ первомъ изъ этихъ сочиненій, искуситель ехидно замѣчаетъ, что Савонарола заимствовалъ свои пророческія предсказанія у св. Бригитты или у Іоахима. Савонарола съ негодованіемъ отвергаетъ это нареканіе, говоря: «я торжественно протестую, что никогда не наслаждался этого рода чтеніемъ, никогда не читалъ откровеній св. Бригитты, и

¹⁾ Было много изданій этихъ пророчествъ. Часть ихъ переведена и на англійскій языкъ *The Nunnes Prophetie* (London, 1680).

²⁾ Аббатъ Іоахимъ Фіорскій былъ средневѣковый „пророкъ“, который предсказывалъ политическія событія касательно императоровъ, королей и религіозныхъ орденовъ, какъ равнымъ образомъ предсказывалъ и наступленіе царства Св. Духа. *Abbas Ioachim magnus Propheta* (Venetiis, 1520). См. также *Histoire de l'Abbe Ioachim*. (Paris, 1745).

³⁾ Этого рода откровенія подвергались сильному нападенію со стороны Герсона. Ихъ, однако, принималъ подъ свою защиту кардиналъ Туррекремата. *S. Brigitta Revelationes, olim a Turrecremata, nunc a Durante recognitae* (Antwerp. 1611).

очень мало или почти совсѣмъ не читалъ также откровеній аббата Іоахима» ¹⁾). Самъ онъ опредѣляетъ пророка, какъ чело-вѣка, который «имѣетъ особое божественное вдохновеніе». Но когда его спросили, на какихъ основаніяхъ онъ дѣлаетъ различіе между истиннымъ и ложнымъ пророкомъ, то отвѣтилъ на это вопросомъ: «Какъ глазъ отличаетъ цвѣта и чувствуетъ увѣренность, что то, что онъ видитъ, есть бѣлое, черное, зеленое? Эту увѣренность глазъ заимствуетъ изъ своей природы, изъ самой способности зрѣнія» ²⁾). Затѣмъ одинъ изъ его семи собесѣдниковъ въ трактатѣ «О пророческой истинѣ» спрашиваетъ его, не обманываетъ ли онъ народъ или себя? Но во всемъ трактатѣ, при всей очевидности убѣжденія и искренности писателя, доказательствъ безусловно никакихъ нѣтъ. Не будучи въ состояніи доказать другимъ то, что было несомнѣннымъ только для него самого, онъ ограничивается простымъ утвержденіемъ за собою этого дара: «Если я обманываюсь, то меня обманываетъ Самъ Богъ» ³⁾). «Если бы пришелъ ангелъ Божій и сталъ противорѣчить тому, что я сказалъ, — не вѣрьте ему, потому что это сказалъ Самъ Богъ» ⁴⁾). «Для меня лично мои пророчества столь же несомнѣнны, какъ и Св. Писаніе» ⁵⁾). И съ помощью этихъ пророчествъ онъ основалъ свою Флорентійскую республику, какъ совершилъ и нравственно-религіозное преобразованіе въ ней. И такимъ образомъ онъ ежедневно все болѣе приближался къ своей неизбѣжной судьбѣ. «Епископъ иліопольскій Елень», рассказывалъ онъ, «встрѣтивъ еретика, который упорно настаивалъ на своихъ мнѣніяхъ, и не имѣя никакихъ другихъ средствъ убѣжденія, вскричалъ: «зажжемъ огонь и войдемъ въ него; огонь сожжетъ того, кто заблуждается!» Огонь былъ зажженъ, епископъ вошелъ въ него безъ малѣйшаго колебанія, сѣлъ по срединѣ его и въ теченіе получаса воспѣвалъ славословіе Богу. Когда вѣры нельзя защитить другимъ способомъ, мы должны обратиться къ подобнымъ приѣмамъ» ⁶⁾). Враги не преминули поймать его на этомъ словѣ; чудо, котораго онъ ожидалъ, не совершилось, и непреклонный, смѣлый преобра-

¹⁾ См. *Quetif*, *Comp. Revelat.* I 272.

²⁾ Проповѣдь на Іова, марта 1495 года.

³⁾ Проповѣдь на книгу Іова, отъ 9 апрѣля 1495 года.

⁴⁾ Проповѣдь на книгу Іезекіиль, отъ 17 февраля 1497 года.

⁵⁾ Проповѣдь на пророка Амоса, 18 февраля 1496 года.

⁶⁾ Проповѣдь на пророка Амоса, отъ 8 марта 1496 г.

зователь подвергся судьбѣ, которую онъ самъ вызвалъ на себя.

Мы видѣли, что во имя христіанской нравственности, христіанской религіи, христіанскаго искусства Савонарола противодействовалъ исключительному господству язычества, что одушевляемый пламенною религіозною ревностью онъ посвятилъ свою жизнь преобразованію ученія римской церкви и искорененію пороковъ итальянскаго общества, что всецѣло поглощенный этою цѣлью онъ приписывалъ себѣ особые дары свыше вдохновеннаго пророка и убѣжденъ былъ въ обладаніи ими. Остается только изслѣдовать самую сущность его характера, которую профессоръ Виллари, какъ и основатели новѣйшей Италіи, повидимому усматриваетъ въ томъ, будто онъ былъ предшественникомъ новѣйшаго либерализма. Мы говоримъ, что профессоръ Виллари, *повидимому*, принимаетъ этотъ взглядъ, потому что смыслъ относящагося сюда мѣста у него довольно теменъ. «Савонарола», пишетъ онъ, «первый въ свое время побуждалъ челоѣчество къ достиженію цѣли, которая даже въ наше время не достигнута, но къ которой мы стремимся съ удвоеннымъ усиленіемъ. Онъ старался примирить разумъ съ вѣрой, религію съ свободой. Его дѣло можно поставить на одинъ уровень съ дѣломъ собора Констанцскаго, Данте Аллигieri, Арнольда Бресчійскаго. Онъ стремился къ преобразованію христіанства и рим.-католицизма, что было постояннымъ идеаломъ величайшихъ умовъ Италіи и извѣстныхъ вождей мысли въ другихъ частяхъ цивилизованнаго міра» ¹⁾. Этотъ взглядъ, какъ намъ кажется, основанъ на непониманіи характера Савонаролы. Ни въ томъ, къ чему онъ стремился, ни въ томъ, что онъ совершилъ, онъ не былъ въ дѣйствительности челоѣкомъ новѣйшихъ идей. Его идеалъ правленія изложенъ въ его «Трактатѣ объ управленіи города Флоренціи». Подобно трактату Данте, онъ составляетъ воспроизведеніе той небесной теократіи, которая служитъ прототипомъ земныхъ правительствъ. Его трактатъ основанъ на «Политикѣ» Аристотеля, на сочиненіи Фома Аквината «О правленіи государей» и, вѣроятно, на сочиненіи Данте «О монархіи». Отнюдь не малымъ доказательствомъ независимости ума Савонаролы служить то, что онъ, исходя изъ принциповъ Аристотеля и переводя многія изъ его положеній, приходитъ къ совершенно инымъ вы-

¹⁾ Villari II, 421.

водамъ. Въ теоріи, правленіе одного человѣка есть наилучшее, потому что оно болѣе всего приближается къ небесному первообразу. Но среди людей нельзя искать совершенства. Величайшимъ зломъ для Флоренціи была тиранія, и олигархія едва ли болѣе сносна. Форма народоправства есть наиболѣе удобный образъ правленія. Но хотя Савонарола былъ основателемъ республики, онъ не былъ ни демократомъ, ни демагогомъ. Онъ боялся смятеній и капризовъ народныхъ собраній. Изъ населенія въ 80,000 душъ только 3,200 такъ называемыхъ *benefiziati* имѣли право на избраніе въ его великій совѣтъ, да и эти члены никогда не сходились вмѣстѣ, а раздѣлены были на три попеременно засѣдавшихъ собранія. Въ качествѣ дальнѣйшей предосторожности противъ излишествъ народоправства, власть вчиненія законовъ принадлежала синьоріи, а обсужденіе ихъ—собранію восьмидесяти, причемъ *gonfaloniere* долженъ былъ избираться на всю жизнь. Такимъ образомъ либерализмъ, какъ онъ выразился въ правительственной системѣ Савонаролы, былъ совершенно особаго характера. Равнымъ образомъ и въ своихъ планахъ онъ не можетъ считаться провозвѣстникомъ ни революціоннаго принципа, ни итальянскаго единства. Онъ не былъ врагомъ свѣтской власти папы; никогда не считалъ онъ папство соучастникомъ иноземныхъ угнетателей или главнымъ препятствіемъ къ объединенію освобожденной Италіи. Не былъ онъ также поборникомъ отдѣленія церкви и государства ¹⁾). Въ его сочиненіяхъ нельзя найти ни малѣйшаго слѣда такихъ идей. Никогда въ его головѣ не появлялось и мысли о достиженіи политическаго единства Италіи чрезъ ограниченіе власти Рима духовными дѣлами. Едва ли онъ увлекался мечтой Данте и о всемірной монархіи, тѣмъ менѣе онъ одобрялъ революціонные проекты Арнольда Бресчійскаго. И въ другихъ отношеніяхъ у него также мало признаковъ новѣйшихъ идей. Онъ держался традиціонной, роковой политики призванія на помощь чужеземныхъ государей, и съ національной точки зрѣнія его поддержку Карлу VIII можно бы назвать непатріотичной. Онъ никогда не имѣлъ въ виду проекта, который только и могъ бы дать внѣшнюю силу Флоренціи, именно о конфедераціи Тусканскихъ городовъ. Напротивъ, его отношеніе къ Пизѣ было какъ бы отношеніемъ побѣдителя къ побѣжденнымъ: мятежники во вся-

¹⁾ Этотъ взглядъ выдвигается у *Madden, The Life and Martyrdom of Savonarola, etc., London, 1853.*

комъ случаѣ долженъ быть сокрушенъ. Какъ нравственный преобразователь, онъ старался объединить нравственность съ религіей, отъ которой она разлучена была пагубнымъ примѣромъ духовенства. Но онъ возставалъ противъ внесенія новыхъ элементовъ въ религіозную жизнь, и его идеаломъ преобразования было возрожденіе средневѣковаго благочестія. Онъ не имѣлъ и понятія о томъ, что самое расширеніе сферъ человѣческой мысли и сокровища новооткрытой древности можно бы употребить съ пользою для религіи и блистательно утвердить царство христіанства. Въ виду распущенности нравовъ и религіознаго отщепенія, его преобразования приняли оттѣнокъ монашеской суровости. Онъ желалъ, чтобы люди занимались только тѣмъ, что необходимо для спасенія.

Истинный ключъ къ разумнѣю его характера, какъ намъ кажется, заключается въ томъ фактѣ, что это былъ человѣкъ, поглощенный одною всеобъемлющей идеей, осуществленіе которой онъ преслѣдовалъ съ непреклонной настойчивостью. Прежде всего, главнѣе всего и всецѣло онъ былъ преобразователь религіи и нравственности. Онъ утвердилъ свою республику на основѣ страха Божія; его назидательныя творенія составлены были съ цѣлью сдѣлать флорентійца гражданиномъ теократіи. «Возстановить все во Христѣ» — вотъ что было девизомъ его мыслей, его дѣйствій, всего его существованія. Вся его душа высказалась въ надписи, выставленной на площади Синьоріи. Надпись эта гласитъ: «Иисусъ Христосъ, провозглашенный Царь народа Флорентійскаго». Съ цѣлью содѣйствовать этому религіозному преобразованію, онъ и пророчествовалъ, и велъ свой крестовый походъ противъ язычества, и обличалъ нравственные нестроенія въ церкви и въ обществѣ. Съ этою же цѣлью, и съ одною только этою, онъ выступилъ на поприще политической жизни, и къ этой именно цѣли направлялись всѣ его политическія преобразования. 12 декабря 1494 года, когда послѣ изгнанія Медичей республика Флоренція была создана его усиліями, онъ предварилъ свой очеркъ новаго управленія такими словами: «О, народъ мой, вы знаете, что я никогда не имѣлъ намѣренія вмѣшиваться въ дѣла государства. Развѣ вы не вѣрите, что я и теперь не вмѣшался бы, если бы я не принужденъ былъ сдѣлать это для спасенія вашихъ душъ? Наше преобразование должно начаться съ вещей, которыя касаются духа. Онѣ выше земныхъ вещей, — да, онѣ только и составляютъ самое ихъ правило и жизнь».

Тѣ, кто, имѣя этотъ ключъ въ своихъ рукахъ, не будутъ привносить въ простой благочестивый характеръ, отлившійся въ средневѣковую форму, примѣси новѣйшихъ мотивовъ, найдутъ, что Савонарола перестаетъ быть загадкой. Этимъ объясняется то вліяніе, которое онъ оказывалъ на своихъ современниковъ, то отношеніе, въ которое онъ становился къ движенію эпохи Возрожденія, то противодѣйствіе, которое онъ оказывалъ папству, та почва, на которой онъ основывалъ свои пророчества. И, наконецъ, этимъ ниспровергается теорія, что онъ писалъ, проповѣдывалъ, молился и страдалъ за торжество принциповъ, которые заключали въ себѣ разрушеніе многого изъ того, что онъ считалъ наиболѣе священнымъ. Не слѣдуетъ говорить о немъ, какъ еретикъ, какъ вандалъ, какъ шарлатанъ, какъ новѣйшемъ либералъ. Онъ не былъ ни однимъ изъ нихъ. Духъ, которымъ онъ жилъ, вполне выражается въ слѣдующемъ мѣстѣ одной изъ его проповѣдей: «Вы, наконецъ, друзья мои, которые избраны Богомъ, вы, за которыхъ я плачу денно и нощно, сжальтесь надо мной! Дайте мнѣ цвѣты, какъ говорится въ Пѣсни пѣсней, *quia amare langueo*, потому что я жажду любви цвѣтовъ, то есть, добрыхъ дѣлъ. Я ничего не требую иного, кромѣ того, чтобы вы благоугождали Богу и спасли ваши души. Но что, о, Господи, будетъ наградой для того, кто выходитъ побѣдителемъ изъ такой борьбы, какъ моя? Глазъ не можетъ видѣть этого, ухо не можетъ слышать сказаній о ней: это будетъ блаженство вѣчное. А награда въ этой жизни? «Рабъ не можетъ быть больше своего господина», говоритъ Господь. «Ты знаешь, что Я проповѣдывалъ и былъ распятъ: твоя судьба также есть мученичество». О, Господи, умоляю же Тебя послать мнѣ это мученичество! О, Господи, сподоби меня скорѣе умереть за Тебя, какъ Ты умеръ за меня!» Тутъ поистинѣ слышится вопль души, надорвавшейся отъ непосильной борьбы съ окружающими его проявленіями зла.

Принимая все это во вниманіе, въ заключеніе нельзя не повторить тѣхъ знаменательныхъ словъ, которыми препод. Максимъ Грекъ охарактеризовалъ Савонаролу и его сподвижниковъ. Еще въ юности ознакомившись во время своего пребыванія во Флоренціи съ проповѣдническою дѣятельностью и мученическою смертію флорентинскаго пророка и его послѣдователей, Максимъ Грекъ, пораженный всей неправдой обрушившейся на нихъ злобы современниковъ, сказалъ: «я съ радостью причислилъ бы ихъ къ древнимъ защитникамъ

благочестія, *аще не быша латыня въроу*» ¹⁾). Вотъ гдѣ тайна кажущихся противорѣчій въ жизни и дѣятельности не одного только Савонаролы, но и многихъ другихъ выдающихся умовъ въ римской церкви. Чувствуя всю неправду латинства, они рвались душой сбросить съ себя и съ самой церкви тяжелыя узы духовнаго гнета, чтобы вздохнуть свѣжимъ воздухомъ древняго благочестія. Но узы оказывались слишкомъ прочными даже и для исполиновъ духа, и они падали и гибли въ непосильной борьбѣ, и только въ глубинѣ своей души находили источникъ той истинной духовной радости, которая до конца поддерживала въ нихъ бодрость духа, но которой они тщетно искали въ наличной жизни окружавшаго ихъ міра.

А. М—нь.

¹⁾ См. сочин. преп. Максима Грека III, стр. 178—205. Привед. прот. В. Левицкимъ въ „Церк. Вѣстникъ“ № 22 за наст. годъ (стр. 761).

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ДУХОВНАЯ АКАДЕМИЯ

Санкт-Петербургская православная духовная академия Русской Православной Церкви – высшее учебное заведение, целью которого является подготовка священнослужителей, преподавателей духовных учебных заведений и специалистов в области богословских и церковных наук. Подразделениями академии являются: собственно академия, семинария, регентское отделение, иконописное отделение и факультет иностранных студентов.

Проект по созданию электронного архива журнала «Христианское чтение»

Проект осуществляется в рамках процесса компьютеризации Санкт-Петербургской православной духовной академии. В подготовке электронных вариантов номеров журнала принимают участие студенты академии и семинарии. Руководитель проекта – ректор академии епископ Гатчинский Амвросий. Куратор проекта – проректор по научно-богословской работе священник Димитрий Юревич. Материалы журнала подготавливаются в формате pdf, распространяются на компакт-диске и размещаются на сайте академии.

На сайте академии
www.spbda.ru

- события в жизни академии
- сведения о структуре и подразделениях академии
- информация об учебном процессе и научной работе
- библиотека электронных книг для свободной загрузки